

ЮЛИЯ ГЕРМАН

*Опасная
одержимость*
БАНДИТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Бандитская страсть

Юлия Герман

Опасная одержимость бандита

«Автор»

2023

Герман Ю. М.

Опасная одержимость бандита / Ю. М. Герман — «Автор»,
2023 — (Бандитская страсть)

— Зря ты мне доверилась. — Почему? — прошептала еле слышно. — Теперь твоя жизнь в моих руках. И я решаю, как распоряжаться ей дальше. — Нет, ты не такой... — Такой и даже хуже. Ты полностью в моей власти, и никто, ни одна живая душа, не найдет тебя без моего на то желания. — Я в плену? — Называй это так. И молись, Пуговка. Проклинай тот день, когда решила, будто я спасу тебя. Потому что я тот, кто тебя уничтожит. Я влюбилась в незнакомца, а ему отдан приказ отомстить моему отцу. Папа хотел убрать с пути конкурента, подставил семью, и теперь за его жадность придется расплачиваться мне. Я в полной власти похитителя и не знаю, что ждет меня дальше. Знаю одно, когда незнакомец заходит в мою комнату и закрывает за собой дверь, я теряю себя... и не знаю, будет ли среди нас проигравший.

© Герман Ю. М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	39
Глава 14	42
Глава 15	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юлия Герман

Опасная одержимость бандита

Глава 1

Мия

– Очнулась? – слышу мужской голос сквозь шум в ушах.

Виски пульсируют, а голова будто налита свинцом. Больно не то что открыть глаза, а даже дыхание дается с трудом. Совершенно не понимаю, что происходит. Не помню, где я и что со мной случилось. Делаю глубокий вдох, выдох, звон немного рассеивается, и только тогда приоткрываю веки. Картинка перед глазами размазана и окончательно сбивает с толку.

– Выпей, – раздается совсем рядом со мной низкий голос.

С трудом фокусирую взгляд на протянутой широкой ладони с белой таблеткой по центру, и кажется, что я это где-то уже видела, но нет сил копаться в воспоминаниях.

– Что это? – поморщилась от того, каким громким кажется собственный голос.

– Выпей, станет легче, – так и не могу посмотреть на мужчину, настойчиво предлагающего таблетку и зажатый во второй руке стакан с водой.

Не задумываясь, делаю как сказано и, забрав лекарство, кладу его на язык, запивая ледяной жидкостью.

Снова закрываю глаза и, помассировав виски, привыкнув к ощущениям, распаиваю веки. Напротив меня в кресле сидит Он. Пронзительно-синие равнодушные глаза неотрывно следят за мной, проникая под кожу и вызывая табун мурашек. Воспоминания тут же обрушиваются на меня беспощадной чередой событий.

Я сама села к нему в машину, собираясь нарушить все папины запреты и окунуться в волнующее приключение, на которое не решилась бы даже неделю назад.

Его улыбка, от которой сжимается все в груди и в животе порхают бабочки. Протянутая бутылка шампанского, чтобы отметить мое сумасбродство и смелость. Пузырьки, лопающиеся во рту и щекочущие нос, а затем внезапно навалившаяся усталость и темнота.

– Что ты подмешал в шампанское? – смотреть на него все еще больно, а в голове туман, сквозь который с трудом продирается осознание произошедшего.

– Снотворное, – ответил спокойно.

– Зачем? Я и так сама уехала с тобой. Что ты со мной сделал? – упираюсь ладонями в матрас, чтобы не упасть обратно на кровать.

– Ничего. Лишь то, что ты и хотела. Спрятал от назойливой опеки твоего отца, – низкий баритон обволакивает, дурманит, как и тогда, когда я впервые услышала его голос.

– Спрятал где? – боль отступает, и на смену растерянности приходит страх.

Да, я хотела уехать с ним, хотела хоть раз сделать что-то наперекор отцу, устав от бесчисленных запретов и удушающей заботы. А встретив его, такого мужественного, высокого и красивого, его ведь даже эта русая борода, напоминающая больше щетину, совершенно не портила, а придавала еще больше брутальности. А эти пронизывающие до самого нутра синие глаза с прищуром, от взгляда которых у меня подгибались колени, совершенно не выходили из головы.

Так могла ли я отказаться? Нет. Я решилась и осмелилась на немыслимое! Доверилась мужчине и сделала то, чего никогда не делала – последовала порыву сердца, а не голосу разума.

– А что такое? Уже передумала прятаться от папы? – произнес с таким холодом, что по позвоночнику пробежали ледяные мурашки и сердце заколотилось пойманной птицей.

– Что... – наконец-то стало проясняться в голове, и вырисовываться картинка того, для чего именно я ему понадобилась. – Что ты хочешь? Тебе нужен выкуп? Или ты хочешь держать меня в плену и насиловать, как все те извращенцы из ленты новостей?

Синяя радужка потемнела, и он заиграл желваками.

– Неужели я похож не тех, кому, чтобы получить женщину, нужно запереть ее и брать силой? – выплюнул он зло.

Нет. Не похож. Я видела, как на него смотрели другие женщины. Да я сама грезилась им с момента встречи. Тогда...

– Для чего? – повторила вопрос, окончательно растеряв флёр влюбленности.

Передо мной больше не было того мужчины, от которого веяло сексуальностью и бунтарством, в которого хотелось окунуться с головой. Нет. Теперь передо мной находился лишь опасный незнакомец, прикинувшийся волком в овечьей шкуре.

– Тебе нужен выкуп? – к глазам подступили слезы.

Прав был папа. Я хороша лишь для того, чтобы через меня манипулировать им. Все хотели получить от отца что-то, и нет способа лучше для воздействия на него, как его единственная дочь. А я была так зла на родителей за постоянный контроль, и так рада была обмануться, что собственноручно пришла в западню.

– Не выкуп, нет, – покачал он головой, опираясь локтями о колени.

– Тогда что? – голос дрогнул, потому что в мыслях проносились догадки одна хуже другой.

– Пора проучить твоего отца.

– За что? – мне не нравилось то, куда он вел, и чем больше получала ответов, тем страшнее мне становилось.

– Потому что твой отец забыл – нельзя трогать чужое. И тем более нельзя обижать чужих женщин, – выпалил с отвращением, обдавая меня волной презрения.

– Что? Ты ошибаешься. Он никогда никого и пальцем не трогал...

– Нет, Пуговка. Руки твоего папаши по локоть в крови, – смотрел прямо в глаза, и я видела, как на дне его радужки беснуется бездна, которая утягивает меня за собой. – Неправда, – помотала головой.

Это ложь! Наглая клевета! Мой отец – он самый лучший, самый честный. Да, он успешный бизнесмен и баллотируется в депутаты. Поэтому постоянно находится в какой-то гонке, с кем-то конкурирует и редко бывает дома. Но я за всю жизнь не слышала от него грубого слова, и он не способен обидеть даже котенка.

– Пора уже повзрослеть, Мия. Твой отец такое же чудовище, как и все, кто его окружает, – поднялся на ноги, поправляя лацканы пиджака.

– Нет, – отчаянно мотала головой, отказываясь верить в эти жуткие обвинения.

– И пришло время платить по счетам, – медленно приближался ко мне. – Пора ему почувствовать, каково это, потерять самое дорогое.

Сердце стучало где-то в горле, а в ушах шумело от накатившей волны страха.

– Зря ты мне доверилась, – возвысился надо мной мрачной тенью.

– Почему? – прошептала еле слышно, вмиг потеряв голос.

– Теперь твоя жизнь в моих руках. И я решаю, как распорядиться ей дальше.

– Нет, ты не такой... – на лбу выступила холодная испарина.

– Такой и даже хуже. Ты полностью в моей власти, и никто, ни одна живая душа, не найдет тебя без моего на то желания.

– Я в плену? – в животе все заледенело от ужаса.

– Называй это так. И молись, Пуговка, – в глазах зловещий и какой-то безумный блеск. – Проклинай тот день, когда решила, будто я спасу тебя. Потому что я тот, кто тебя уничтожит, – схватил меня за руку и дернул на себя.

Глава 2

Мия

Чуть более месяца назад

– Молодец, дочка, – обнял папа и прижался губами к виску, – горжусь!

– Миюша, – мама оттолкнула в сторону папу и со слезами на глазах сжала меня в объятиях. – Доченька, это было невероятно красиво! Уверена, победа за тобой!

– Спасибо, – позволяла маме осыпать мое лицо поцелуями, смущаясь под взорами прохожих. – Mam, ну не здесь!

Мне уже неделю как восемнадцать, а они по-прежнему сюсюкаются со мной как с маленькой.

– Прости, – удерживая меня за щеки, еще раз чмокнула меня в нос и наконец-то отпрянула, доставая салфетку и вытирая влагу под глазами. – Всегда знала, что станешь великой скрипачкой! – продолжала вытирать слезы.

– Mam, это всего лишь второй этап конкурса. Я даже не знаю, прошла ли я в третий, – не разделяла восторгов родителей. – К тому же ты видела, какие конкуренты! Где я и где они, – чувствовала как начинает болеть голова, от накотившего напряжения.

– Прекрати недооценивать себя! – одернул меня отец. – Плахотины просто не могут быть в проигравших. У тебя это в крови.

– Но если не получится, попробуешь на следующий год, – робко добавила мама.

– Я отойду, – сунула маме в руки футляр со скрипкой и поспешила сбежать от родителей куда-нибудь подальше.

– Осторожно, дочь! Через десять минут не вернешься, отправлю Михаила тебя искать.

Не стала ничего отвечать. Стараясь как можно скорее отдалиться от них и хотя бы пару мгновений побыть в одиночестве. Как же они достали со своими запретами, контролем и слишком завышенными ожиданиями. Засунула два пальца под воротник наглухо застегнутой блузки, стараясь вдохнуть как можно глубже воздух. Но ткань прилегала к коже так плотно, что, казалось, еще немного, и я просто задохнусь.

Оглянулась на девушек в красивых платьях и совсем не с целомудренными декольте. Пробегая мимо зеркального зала, бросила взгляд в отражение, поморщившись. Настоящий синий чулок. Белая блузка, рукава фонариком и черная узкая классическая юбка-карандаш. Собранные в конский хвост волосы тянули кожу головы. Как же хочется хотя бы раз пойти против того, что говорят родители, и выбрать наряд и прическу самой. Но нет! Я же дочь того самого Плахотина и не должна выглядеть как все эти легкодоступные пустышки.

Знала, что внешностью природа меня не обделила. Большие голубые глаза смотрелись особенно ярко на контрасте с темными волосами, маленький аккуратный носик, пухлые губки и по-детски круглые щечки привлекали немало мужского внимания.

Но папе не нравился чрезвычайный интерес мальчиков ко мне. Поэтому из престижного лицея для детей олигархов он перевел меня в не менее престижный пансионат для девиц. Там пресекалось любое общение с противоположным полом и воспитывали целомудренных дев. Но даже там девчонки умудрялись сбежать на свидания через дыру в заборе, заниматься сексом с парнями за пределами территории пансионата, беременеть и делать аборт. А на каникулах отрывались по полной, разрезая на лоскуты ненавистную форму и наверстывая время своего заточения с лихвой.

Но для меня это все оказалось непозволительной роскошью. Вечеринки с друзьями, походы в клубы, парни... Нет. Я не имела права позорить имя Плахотиных. Я должна во всем быть лучше других. Учеба, скрипка, балет, стрельба, иностранные языки. Я и школу закончила

раньше других на год, и поступила в консерваторию. Порой мне казалось, что я не просто не живу, а даже не дышу. Вот и сегодня. Меня тошнило от этого места, от конкурса, от скрипки и стертых подушечек пальцев. Но я должна делать то, чего от меня ждут близкие. Сейчас передохну и вернусь к роли примерной дочери.

Куда бы я ни посмотрела, везде находились люди.

Люди, люди, кругом люди! Боже!

Шла без разбора, задыхаясь. Голова кружилась и участилось сердцебиение. Оперлась рукой о стену, тяжело дыша. Но с каждым шагом становилось лишь хуже.

– Девушка, вам плохо? – услышала женский голос.

Смотрела на появившуюся передо мной фигуру, но видела лишь размытый силуэт.

– Что такое? – присоединился к ней мужской голос.

– Вот...

– Отойди, – рявкнул мужчина, приблизившись и застилая собой весь свет.

В следующее мгновение чьи-то руки подцепили мой воротничок, и я ощутила, как на горло перестало давить.

– Держи, – поднес к моим губам горлышко бутылки и осторожно влили мне в рот воду.

Дыхание восстанавливалось, а вместе с ним возвращалась четкость зрения.

– Ты как? – спрашивал меня незнакомец с василькового цвета глазами.

Медленно выпрямился, возвышаясь надо мной горой. Какой же он высокий.

На мгновение я замерла, рассматривая мужчину, а он именно мужчина, ведь совсем не походил на тех парней, что встречались во время учебы. Наверное, ему лет тридцать. Тут же почувствовала, как вспыхивают щеки. Его глаза заворожили меня, и, чтобы убедиться в том, что он настоящий, блуждала взглядом по нему, отмечая детали. Русые волосы, словно растрепанные порывом ветра, прямой нос, короткая, аккуратно подстриженная борода, покрывающая нижнюю часть лица и щеки незнакомца, красивые губы, будто высеченные из гранита. Опустила глаза ниже, заметив сильную шею и широкие плечи, и снова подняла взор к его лицу. Дух перехватило от того, насколько красив этот мужчина. Он же в ответ разглядывал меня.

– Может, она немая? – вмешалась девушка за его спиной.

Посмотрела на его спутницу. Брюнетка, явно выше меня. Хотя с моим ростом метр пятьдесят семь сложно найти кого-то ниже меня. Длинные темные волосы блестящим каскадом струились по ее плечам, а карие глаза выражали лишь скуку. Красивая девушка, роскошная. Я видела ее во время конкурса перед выходом на сцену. Уверена, такие, как она, с легкостью получают все, что захочется. Вот и мужчина у нее под стать ей.

– Ты разговариваешь? – усмехнулся незнакомец, с любопытством рассматривая меня и гипнотизируя этими своими фиалковыми глазами. – С тобой все в порядке?

Его низкий голос с легкой хрипотцой обволакивал, растекаясь теплом по венам, и мне хотелось зажмуриться от удовольствия и слушать, слушать то, как он говорит.

– Похоже, что нет, – задумчиво проговорил он.

– Да, – растерянно кивнула, ощущая, как горят щеки. – Я в порядке, спасибо, – инстинктивно подняла руку к горлу потрогав то место, которого касались его пальцы.

Замерла, обнаружив, что воротник расстегнут, а пуговка на нем отсутствует.

Встрепенулась, осматриваясь по сторонам.

– Что-то потеряла? – все еще стоял рядом незнакомец, спрятав руки в карманах брюк.

– Пуговка... – растерянно пролепетала я.

– Что пуговка? – хмыкнул он.

– Пуговка от блузки оторвалась, – наклонилась к полу, отыскивая пропажу, сама толком не понимая, зачем это делаю. Наверное, чтобы объясниться перед родителями.

Мужчина наклонился к полу, следуя моему примеру.

– Вот эта? – протянул ко мне руку, разжимая кулак.

Выпрямилась и, подавляя волнение подошла к нему, взглянув на широкую ладонь с длинными пальцами, по самому центру которой белела перламутровая пуговица.

– Спасибо, – осторожно забрала свою пропажу, стараясь не касаться его кожи, но все равно слегка дотронулась до мужской ладони и вспыхнула, кажется, до самой линии роста волос.

– Ну, мы идем? – недовольно заныла девушка.

Неожиданно для самой себя ощутила неприятный укол в груди. Он тут ищет мне пуговицу, пока там его ждет девушка. Подняла глаза к его лицу и тут же потонула в синих омутах.

– Удачи, Пуговка! – подмигнул мужчина. – И будь осторожна.

– Пойдем, мелкая, – догнал он свою спутницу и приобнял ее за плечи, прижимая к себе и потрепав ее по голове.

А я так и осталась стоять на месте с бешено колотящимся сердцем. Зажимала пуговицу в ладони, наблюдая за тем, как удаляется его крупная фигура, и сожалея о том, что больше никогда его не встречу. И как же я тогда ошибалась...

Глава 3

Мия

– Миюша, ты готова? – заглянула в спальню мама, критически осматривая меня.

– Кажется, да, – смотрелась в зеркало и в очередной раз сравнивала себя с той роковой красоткой, что я видела сегодня с синеглазым мужчиной.

И снова при мыслях о нем в животе потеплело и к щекам прилила кровь.

– Что с тобой сегодня, Мия! – услышала мамин голос. – Где ты витаешь?

– Прости, мам, – взглянула на нее через отражение. – Какая ты красивая! – окинула ее восхищенным взглядом.

Светлые волосы собраны в высокую красивую прическу, а кремовое платье облепляет идеальную фигуру, как перчатка, оттеняя белизну кожи и осеннюю зелень глаз. Всегда люблюсь мамой, сожалея, что пошла красотой и ростом не в нее, а вышла бабушкиной копией о папиной линии.

Да и подавать себя я так не умела. Мама же могла нарядиться даже в мешок из-под картошки и при этом выглядеть как королева красоты, которой она и была в юности.

– Что это на тебе? – проигнорировала меня.

– Платье, – пожала я плечами.

Нежно-голубое платье без выреза в пол, с воротником-стойкой, скромной римской драпировкой на груди и расклешенными рукавами, смотрелось на мне неплохо, но напоминало больше вдовый наряд, чем вечернее платье восемнадцатилетней девушки.

– Нет, нет, нет! – стремительным шагом мама побежала в мою гардеробную, и я слышала, как застучали друг о друга плечики. – Что это за гардероб! – доносилось глухое бормотание родительницы.

– Тебя всегда он устраивал, – говорила себе под нос. – Что не так с этим платьем? – повертелась перед зеркалом, не понимая, в чем проблема и почему именно сегодня мама решила, будто я одеваюсь как-то не так. Ничем не хуже того, что я привыкла носить обычно.

– Я же говорила, – вернулась наконец-то мама, – что сегодня особый случай.

– И я оделась для особого случая. Это всего лишь прохождение в следующий этап, мам. К тому же какой праздник, если папа не сможет с нами его разделить, – терпеть не могла всю эту показуху, которая, по большому счету, требовалась только папе для создания необходимого имиджа. И обычно он не упускал возможности, мелькнуть в полном составе перед представителями СМИ. Но сегодня случилось нечто слишком важное, раз он пропустил семейный вечер.

– При чем здесь конкурс? – разложила на кровати пудровое платье с кружевными прозрачными плечами до самого декольте и расклешенной юбкой чуть ниже колен. – Это мы отметим через пару дней с папой, как только у него закончатся переговоры. Сегодня мы едем к Соколовым. У них вернулся старший сын. Помнишь Ромочку? – загадочно улыбнулась она.

– Забудешь его, – тяжело вздохнула, вспоминая ненавистного пацана.

– Вот и отлично! Это приветственный прием. И ты должна показать себя с лучшей стороны, – дернула шпильку из моей прически, а за ней вторую и третью.

– Ай! – вскрикнула, совершенно теряя нить происходящего.

– Так-то лучше, – родительница удовлетворенно смотрела на стрящиеся по плечам и спине локоны. – И вообще, пора нам обновить твой гардероб. Скоро таких таких выходов станет гораздо больше, – улыбаясь подмигнула она.

– Ясно, – только и выдавила из себя, с удивлением отметив, что платье, выбранное мамой, мне нравится гораздо больше того, что на мне, да и с распущенными волосами я выгляжу как нормальный человек.. – Смотрины, значит.

Обособник Соколовых по размеру напоминал больше Эрмитаж, чем обычный человеческий дом, необходимый людям для того, чтобы там есть и спать. Но Игорь Романович обладал какой-то неумной тягой к гигантизму, и это непроизвольно наталкивало на мысли о размерах его мужского достоинства. Стоило про это подумать, как из меня вырвался нервный смешок.

– Не позорь нас, – говорила мама сквозь натянутую улыбку, – и улыбайся. Постарайся понравиться Роману.

– Пусть лучше он старается мне понравиться, – фыркнула так, что за музыкой мама не могла меня расслышать.

Сад мерцал тысячами огней, будто они пытались сделать так, чтобы их дом можно было увидеть из космоса.

Отдав верхнюю одежду, прошли в холл, украшенный гирляндами из живых цветов, обвивающих белые колонны и хрустальные люстры. Шары, фотозона с надписью: “С возвращением, Роман”, красовавшаяся прямо напротив входа, все это выглядело пошло и банально. Казалось, будто мы отмечаем не то день рождения папиной принцессы, не то чью-то свадьбу. По залу лавировали официанты, разносящие закуски и шампанское, а гости кочевали от одной кучки приглашенных до другой.

– Нелли, какой прекрасный вечер! – прижалась щекой мама к хозяйке вечера.

– Спасибо, милая. Так жаль, что Алекс не смог прийти.

– Бизнес, – развела мама руками, а хозяйка лишь понимающе кивнула.

– Мия! Отлично выглядишь, – обратила на меня внимание моложавая брюнетка.

– Здравствуйте! Спасибо! – изо всех сил изображала взаимную радость.

– Поздравляю! Мама сказала, ты перешла в следующий этап конкурса!

– Да, благодарю.

– Надо же, какая умница у вас выросла, Нати. Ну беги к молодежи. Роман с друзьями вон там, – указала она в противоположный конец зала, где толпились виновник торжества и его приятели.

Натянуто улыбнувшись, побрела в указанную сторону.

Роман Соколов – один из того огромного количества детей приятелей родителей, с которым нужно дружить. Но дружбы у нас с ним никогда не складывалось, как и нормального общения. Задиристый, дерзкий, всегда был душой компании. Веселый легкий нрав и приятная внешность сделали его любимцем девушек. А мне же он казался лишь позером. Никакой искренности или глубины. Хотя интеллектом природа Романа явно не обделила.

Вот и сейчас я бы предпочла свернуть куда-нибудь в сторону и затеряться среди многочисленных коридоров особняка. Но воспитание не позволяло не поздороваться с виновником праздника, да и просто уходить по-английски не в моих правилах.

Приближаясь к компании парней, начинаю сразу же краснеть. А когда их взгляды сосредотачиваются на мне, появляется дикая мысль развернуться и убежать куда глаза глядят. Но я беру себя в руки и, поймав темный взгляд Ромочки, приближаюсь к старому знакомому.

– Мама-Мия, какие люди! – выкрикнул этот паяц раньше, чем я успела подойти.

– И тебе здравствуй, Роман, – старалась делать вид, будто меня не задевают взгляды его друзей, что я их не замечаю.

– Парни, это заноза моего детства – Мия, – представил он своим друзьям, не сводя с меня глаз.

А мне не нравилось такое пристальное внимание. Пусть я и не воспринимала Соколова-младшего в качестве мужчины, но мы не виделись, наверное, года три и за это время он сильно возмужал.

– А где мышинный хвостик? – рассматривал меня как под микроскопом.

– Отпал, – опустила глаза в пол.

Щеки пылали, а эти взгляды... Из-за них я хотела провалиться сквозь землю.

– Давно пора было его скинуть, – видела, как поднес к губам бокал шампанского, отпивая.

– Ну, мне пора, – зря все же я не сбежала. – С возвращением. Рада была увидеться, не буду мешать.

Развернулась к нему спиной, учащенно дыша и собираясь затеряться в толпе, когда услышала:

– Мия!

Сжала губы, проклиная Соколова.

– Что? – обернулась на брюнета.

– Тухло тут. Мы в клуб. Ты с нами? – лукаво улыбался этот гаденыш.

А у меня вдруг участился пульс. Как же хотелось хоть раз сделать что-то, что делает вся молодежь. Вот и на клуб хотелось взглянуть хотя бы одним глазком. Но кто же меня отпустит.

– Клубы для меня под запретом, Ромашка, – улыбнулась, вспомнив детское прозвище, что очень сильно нервировало его раньше.

В ответ он лишь усмехнулся, никак не продемонстрировав своего раздражения.

– Об этом не беспокойся! – улыбнулся во все свои тридцать два зуба. – Сейчас все сделаю в лучшем виде, – поставил пустой бокал на поднос и, засунув руки в карманы брюк, вальжной походкой двинулся по направлению к моей маме.

Спустя тридцать минут, не веря, что происходящее реальность, я вышла из машины вместе Соколовым и его компанией в первый в моей жизни ночной клуб. Судя по очереди на входе и бриллиантам в ушах девушек, прошедших через фейс-контроль, место это слишком пафосное.

Громкие басы слышались даже с улицы. Я встала как вкопанная перед сияющим неоновыми огнями зданием, не решаясь сделать несколько шагов, отделяющих меня от познания запретного. Размалеванные девицы с выражением лица, будто все вокруг пыль под их ногами, и не менее надменные парни, взирающие на девушек как на товар, все это из какого-то другого мира. Скорее всего, родители были правы и мне нечего делать в подобных заведениях. Да и музыка, доносящаяся изнутри, совсем далека от привычной для меня классики.

Замешкалась, решая, что лучше мне вернуться домой.

– Мышиный хвост! – позвал меня Роман, а я поморщилась от этого мерзкого прозвища. – Ты чего замерла? Пойдем, – схватил меня за плечи, толкая ко входу.

– Я домой. Нечего мне тут делать, – уже совершенно перехотела познавать запретный мир и ощущала, как к горлу подступает паника.

– Ну ты чего? – встал передо мной Соколов. – Пойдем, ничего плохого не случится. Обещаю. Ты ж со мной, – улыбнулся так, что, наверное, у большинства девчонок подогнулись бы коленки. У большинства, но не у меня.

– Сокол, ну ты где? – позвали Романа друзья.

– Сейчас, – крикнул он через плечо, не оборачиваясь и не прерывая со мной зрительного контакта. – Ну же, мышинный хвостик, решайся! Хватит сидеть как плесень дома. Думаешь, я не помню, как тебя родители кошмарили. Вряд ли что-то изменилось. Расслабься и хоть немного повеселись!

В свете неоновых огней от вывески и жидкокристаллических экранов с бегущими по ним абстрактными картинками лицо Соколова окрашивалось разными цветами, не позволяя разглядеть глаз и того, что в них творится.

– Я... – не знаю, как поступить.

С одной стороны, вот он – запретный плод, который манил меня так долго. Стоит протянуть руку, и можно будет вкусить, не переживая за то, что родители будут в бешенстве и начнут обвинять, что я их позорю.

Сегодня тот случай, что они огорчатся, если я не пойду с парнем в этот чертов клуб. Будто я не поняла, ради чего маме потребовалось, чтобы я выглядела лучше обычного, да и отпустила она меня с определенной целью. Родители решили выгодно пристроить меня замуж за правильного претендента из правильной семьи. Видимо, для него и оберегали мою честь. И более удачного случая надкусить запретный плод у меня не будет.

– Мне страшно, – неожиданно для себя произношу это вслух.

И, вырвавшись из его рук, делаю шаг назад, восстанавливая дыхание. Смотрю куда угодно, только не на приятеля.

Взгляд цепляется за группу мужчин, идущих к клубу, но не к центральному входу, а за угол. Внезапно зрение выхватывает образ, отпечатавшийся на сетчатке. Высокая широкоплечая фигура, русые, чуть слегка отросшие и зачесанные назад волосы и аккуратно подстриженная борода.

Сердце замирает, а затем ускоряет ритм.

Не может быть!

Тот самый незнакомец из филармонии.

Пульс разгоняется до таких пределов, что кажется, будто кровь обжигает вены. Наблюдаю за тем, как он скрывается за углом здания, и перевожу взор на Соколова.

– Идем! – не остается никаких сомнений.

Я просто должна его увидеть снова. Наверное, это судьба, раз вижу его за день уже дважды, да еще в таком месте, где никак не могла оказаться. И кто я такая, чтобы сопротивляться ей?

– Отлично, мышиный хвост! – радостно восклицает Роман, приобнимая меня за плечи и подталкивая ко входу. – Моя девочка!

– Только не называй меня так, пожалуйста, – бормочу.

– Как? Девочка?

– Нет. Мышиный хвост.

– Ладно, – усмехается он. – А просто хвост?

– Нет.

– Мыша?

– Нет.

– Тогда как? – откровенно издевается он.

– Мия.

– Договорились, Мия мышиный хвост! – смеется этот негодяй.

Но внезапно меня это не трогает. Мне не терпится оказаться внутри и увидеть своего незнакомца. Наивная, глупая дурочка... Лучше бы я трусливо бежала.

Глава 4

Мия

Музыка оглушает и отдается вибрацией не только в теле, но кажется, будто все помещение сотрясается от отвратительных звуков. Я искренне не понимаю, как от этой долбежки можно получать удовольствие.

– Пойдем в Лаундж-зону! – крикнул Соколов, отворачивая меня в сторону.

Пробираясь сквозь море из человеческих тел, с любопытством осматривала клуб. Перед глазами мерцали неоновые лучи. Стены, завешанные жидкокристаллическими мониторами, транслировали какую-то абстракцию, переходящую в изображения танцующих разноцветных женских теней. Под потолком висели клетки с полуголыми извивающимися девушками. Выцепила взглядом несколько платформ, возвышающихся над танцполом с полуобнаженными, покрытыми краской телами, двигающимися под ритмы, что крутил диджей, забравшийся со своим пультом практически под потолок.

Глаза разбегались от изобилия цветов, звуков и красок. Не знала, куда смотреть и просто следовала в указанном направлении. Роман не отпускал мои плечи ни на мгновение. А я старалась сквозь дым, полумрак и бьющие по глазам разноцветные лучи найти того, ради кого вошла внутрь этого филиала ада.

Мы поднялись по ступенькам и прошли на балкон, опускаясь на диванчики, огражденные от соседней такой же зоны перегородкой из темного стекла. Вокруг столика уже расселись те четверо парней, с которыми мы приехали из дома его родителей. Роман посадил меня рядом с собой, прямо напротив балкона. Так, что весь танцпол виделся как на ладони.

– Что будешь пить? – Роман почти дотронулся губами моего уха, и я отшатнулась, сторонясь такого тесного контакта.

– Сок.

– Сок? – вскинул он брови. – А как же выпить за мое возвращение?

– Я не пью с незнакомыми людьми, – это правило я уяснила и не собиралась подставаться.

– Да ладно, мышиный хвост! Ты же под моим присмотром, – сделал знак официанту, и как только он подошел, что-то прокричал на ухо.

Парень кивнул и скрылся из поля зрения.

– Ты же понимаешь чего ждут наши старики? – хмыкнул он.

– Нет, – старательно делала вид, что это все меня не касается. Да и участвовать в этом не хотела, продолжая взглядом сканировать танцпол.

– Мыша-а-а, – протянул Роман в мое ухо, обдавая горячим дыханием. – Ты же не дура. Они еще в детстве нас с тобой поженили.

Вскинула на него взор, встретившись с темными, в этом освещении практически черными, глазами.

– Они не могут нас заставить делать то, чего мы не хотим, – ответила, маскируя под маской спокойствия панику, нахлынувшую на меня.

– Похоже, что пока у твоих это прекрасно получалось, – усмехнулся он, вгоняя меня в краску. – А к чему противиться, – улыбнулся он. – Ты вроде ничего такая стала.

– Спасибо, – поблагодарила из вежливости, нежели получив удовольствие от такого комплимента.

– О-о-о! – послышались радостные возгласы и улюлюканье, когда в зону ввалилось пятеро девчонок. – Киски подъехали!

Мне вмиг стало еще более неуютно от вида этих кисок, чьи юбки практически не прикрывали их интимных зон. Девушки быстро расселись между парнями, и самая яркая из них, с огненно-рыжими волосами и пухлыми красными губами, прилипла к Роману с противоположной от меня стороны.

– Приветик, милый, – промурлыкала она. – Лиза, – улыбнулась винирами.

– Приве-е-е-ет, – протянул Соколов, расплываясь в улыбке.

Роман на какое-то время залип на ее губах и глубоким декольте с выдающимися достоинствами и как-то вмиг напрягся.

– Все? – напомнила я о себе. – Вопрос с женитьбой закрыт?

– Что? – еле оторвав взгляд от груди рыжей, повернулся ко мне.

– Говорю, что ни тебе, ни мне этот брак не нужен.

– Почему же! – видела по взгляду, как быстро начали шевелиться шестеренки у него в голове. – Я за выгодный брак.

– То есть чувства для тебя вообще не имеют значения? – зачем я вообще обсуждаю это с ним, если для него женитьба лишь выгодная сделка.

Несколько мгновений он молча рассматривал меня, в то время как к его бедру все теснее прижималась рыжая, а он, будто не замечая этого, пытался построить диалог со мной. Я хоть и не разбиралась в мужчинах, но видела, как он отреагировал на эту девицу и каким оставался со мной. И пусть как женщину меня слегка задевало такое поведение, то как человека, имеющего представление о натуре этого парня, понимала – нам не по пути. Он не привлекал меня как мужчина, и даже чисто гипотетически у меня не получалось представить нас парой, и тем более полноценной ячейкой общества. Это же он будет маячить перед глазами каждый день, обнимать, целовать, спать в одной постели и не только ... От последнего меня передернуло.

Ну уж нет!

По крайней мере, в выборе мужа родители должны прислушаться к моему мнению. Все же не им с ним жить, а мне.

– Забавная ты, мыша, – рассмеялся он.

– Почему это?

– Ты... – отвлекся на официанта, принесшего напитки.

Соколов забрал с подноса бокал и рюмку. Нет, это не рюмка, кажется это называется шотом.

– ...рассуждаешь какими-то устаревшими понятиями, – протянул фигурный бокал мне, где плескалась желтая жидкость.

– Это какими? – переводила взгляд с напитка на парня и обратно. – По-твоему, любовь это пережиток прошлого?

– Её слегка переоценивают, – усмехнулся Роман.

– То есть как?

– Браки нужно заключать с надежными и подходящими людьми. А любовь... – кинул взгляд на рыжую, делающую вид, будто оживленно болтает с подругой, а сама незаметно поглаживала пальцем бедро Романа. – Брак любви не помеха, – шумно выдохнув, усмехнулся и залпом опрокинул содержимое шота.

– Ясно, – вот и лишнее тому доказательство, что парой мы точно быть не можем.

Поднесла свой бокал к губам и отпила напиток, закашливаясь. За сладостью кокоса и ананаса отчетливо чувствовался алкоголь.

– Что это? – посмотрела на Романа, снова глазеющего на рыжую, призывно рисующей узоры пальцами по своей груди.

– Что? – снова очнулся от гипноза. – А, это? Коктейль. Не нравится? – рассматривал меня как дикий зверушку.

– Я не пью в незнакомых компаниях, – отставила напиток.

– Да ладно, мышинный хвост. Я за тобой присмотрю. Иначе мне голову открутят.

– Этого я и боюсь...

Роман что-то еще пытался обсудить со мной, но затем включился в общий разговор с друзьями. А я так больше и не притронулась к коктейлю, все отчетливее осознавая, какой ошибкой стало мое решение прийти сюда.

Кто все эти люди? Что это за звуки, от которых разболелась голова, а освещение, вызвавшее приступ тошноты?

Алкоголь, заливаемый в горло приятелей и подружек Соколова, Соколов, все меньше вспоминающий о моем присутствии и лишь активнее зажимающий рыжую, совершенно не скрывающий увлечения ею, все это вызывало отторжение. За столом происходило нечто неприемлемое. Парни и девушки уже активно целовались и зажимались, не стесняясь ни друзей, ни официантов, только успевающих обновлять алкоголь. Мне очень сильно хотелось домой, подальше от этого вертепа. Я даже перестала сканировать взглядом танцпол на предмет своего интереса, думая только о том, как бы скорее сбежать из этой клоаки.

Не знаю, сколько я так просидела. Казалось, что целую вечность. Но и попросить забывшего обо мне приятеля отвезти меня домой не решалась.

Последней каплей стал момент, когда в порыве страсти, сплетаясь телами и ртами со своей рыжей пассией, Ромашка и его подружка чуть не завалились на меня и даже не заметили этого. Я вскочила на ноги и пулей вылетела из-за столика, убегая к лестнице.

Сердце грохотало как обезумевшее, когда я спускалась по ступеням на кишачий людьми танцпол. Замерев у подножия лестницы, я смотрела, как дергаются и извиваются незнакомцы под долбежку, не пробуждающую никаких светлых чувств. Их движения казались слишком откровенными, слишком развратными, слишком ненормальными. Как и все здесь. Само это место казалось ненормальным и вызывало лишь отвращение.

Набрав побольше отравленного кислорода в легкие, направилась к выходу, не ориентируясь среди толпы, куда мне нужно идти. Чужие тела толкали меня разные стороны, все глубже затягивая меня в центр толпы и отдаляя от выхода.

Паника сковала горло. Я словно слепой котенок тыкалась в разные стороны, не понимая, куда мне идти. Глаза застили слезы, из-за которых я ничего не вижу. Поток меня вынесло куда-то. Тяжело дыша, я уже приготовилась даже позвонить маме и попросить прислать водителя. Ведь это единственное верное решение. Одна я не выберусь отсюда, не доеду до дома. От осознания того, что мне придется здесь находиться какое-то время, меня буквально начинает трясти. Но вдруг меня пробивает током.

Щека и вся правая сторона вспыхнули. Казалось, будто кто-то взял меня за щеки и настойчиво поворачивал лицо в сторону. Меня тянуло туда магнитом. Посмотрела направо и увидела того самого мужчину из филармонии, стоящего всего в нескольких метрах от меня у бара и что-то говорящего бармену.

Все остальные люди перестали существовать, как и отвратительный шум, духота и витающие в воздухе алкогольные пары. Он засиял, словно маяк посреди ночного шторма, свет в окне, к которому я летела мотыльком. Я приближалась к нему. Сама. В животе стало щекотно, а кровь пульсировала в висках.

Остановилась всего в нескольких шагах от мужчины, рассматривая идеальный профиль, прямую осанку и медленно плавясь от того, насколько он хорош. Разве могут сравниться с ним все эти мальчишки, там, на балконе? Нет. Они уже превратились в подонков, и в них нет и доли той стати и мужественности, что была в моем незнакомце.

Посреди враждебной среды он один воспринимался чем-то родным и знакомым.

Медленно незнакомец повернул голову в мою сторону, мазнул по мне взглядом, сначала даже не заметив, но тут же вернув внимание к моему лицу. Я увидела в его глазах узнавание.

Боже, он узнал меня! Он меня помнит!

Как в замедленной съемке, он медленно наклонился ко мне:

– Мы знакомы? – услышала его бархатный баритон, и вместе с ним звон моих разбитых надежд и разочарования.

Дура! Какая же я дура. Он не узнал меня. Такие как он не запоминают девушек вроде меня.

Сделала вдох, выдох, сдерживая обиду. Все что смогла ответить это, помотать головой. Горло сжал спазм, и захотелось убежать отсюда как можно дальше. Но куда и как? Я даже выход не смогла найти из этого вертепа.

Затем я вспомнила, каким милым он показался там, в филармонии, и даже если он не помнит меня, то поможет выйти на улицу.

– У меня оторвалась пуговка, – подошла ближе, поднявшись на носочки и прокричав так, чтобы он наверняка меня услышал.

И в следующее мгновение я увидела, как его губы растянулись в улыбке, а затем он запрокинул голову назад и рассмеялся.

– Ну, привет, Пуговка! – сощурившись рассматривал меня. – Хорошо выглядишь.

Глава 5

Мия

– Спасибо, – щеки пылают, а сердце скачет так быстро, стучась о решетку ребер, что, кажется, не выдержит дикой скорости.

Незнакомец смотрит на меня так пристально, что по телу разливается жар, сбивается дыхание и кружится голова. Но мне уже не страшно быть здесь. Я забыла о неприятном разговоре на балконе и неприятной сцене после него. Все было не зря. Ведь я снова увидела Его. И даже в полумраке, с испещренным разноцветными полосами лицом, посреди царства порока и разврата он выглядел, как самая запретная из фантазий. Пусть до этого дня я даже не знала, как выглядит мужчина моей мечты, а теперь четко осознавала, что вот он – стоит передо мной. И от осознания этого по телу расползлись мурашки, а в животе все замерло, приготовившись к долгому падению в пропасть.

– Что ты здесь делаешь? – склоняется ко мне, чтобы я его услышала. – Развлекаешься?

Теперь кажется, что он не просто сканирует меня глазами, а пытается проникнуть в голову.

– Пришла посмотреть... – и не знаю, как объяснить дальше, зачем именно я здесь оказалась.

Не говорить же мужчине, от взгляда на которого дух захватывает, о том, что меня отправила в клуб мама – для более тесного общения с претендентом на заключение со мною брака. Да, именно в такой формулировке. Потому что тому, за кого хотели отдать меня родители, плевать на мою руку, на нее он точно не покушался. Брак для него воспринимался не более чем сделкой.

И тем более я не признаюсь, что на принятие решения войти в клуб повлияло желание встретиться с ним.

– На меня? – заканчивает за меня фразу, и его чувственные губы изгибаются в порочной ухмылке.

Теперь мне кажется, будто этот мужчина обладает экстрасенсорными способностями, иначе как он узнал о моих мыслях? Опускаю взор, не в силах выдержать пристального внимания. Кровь приливает к лицу, и я теряюсь, не зная, как отвечать на подобную бестактность. Зачем он делает это? Зачем заставляет меня смущаться, краснеть, испытывать стыд за собственные чувства и мысли.

– На клуб, – выдавливаю, с трудом пересилив обиду на него и саму себя.

Смотрю вниз, упершись взглядом в широкую грудь, спрятанную под темным классическим костюмом. При этом освещении не получалось различить его цвет, но выглядывающая из-под пиджака рубашка определенно белая. Расстегнутый белоснежный ворот и верхняя пуговица обнажают сильную шею и ямку между ключицами. Отчего-то этот участок кожи кажется мне настолько интимным и производит такое сильное впечатление, что мне становится неловко оттого, как беспардонно я позволяю себе пялиться на незнакомого человека.

– И как? – снова раздается его голос прямо у меня над ухом и обдает жаром от близости его тела.

– Ваша вода, – ставит на стойку бутылку бармен.

В ответ незнакомец лишь кивает, но даже не забирает бутылку.

– Хотела уехать домой, – вскидываю на него взгляд, тут же посмотрев в сторону и снова возвращаясь обратно, блуждая по лицу, стесняясь смотреть в глаза. Отмечаю густоту бровей, длину темных ресниц и то, как выглядят его губы, когда падает на них красный свет, или же когда их окрашивает синим или зеленым. Делаю все, чтобы не встречаться с тяжелым взором.

– Почему не уехала? – непроизвольно встречаюсь с его взглядом, ставшим более острым, резким.

А на губах так и застывает улыбка, но теперь она кажется хищной.

– Заблудилась, – всматриваюсь в абсолютно нечитаемую радужку синих глаз. Я помню, какие они при свете дня, поэтому кажется, будто отчетливо вижу их цвет.

– Компания твоя где? – лицо вмиг становится жестоким.

– Занята... – что я еще могу ответить. Не говорить же, что мой потенциальный жених забыл о моем существовании и сейчас практически совокупляется с какой-то девицей.

– Езжай домой, – не остается и следа веселости на красивом лице.

– Не хочу, – понимаю, что теперь я никуда не уеду до тех пор, пока не узнаю его ближе.

– Что так? – презрительно хмыкает. – Ищешь приключений, Пуговка?

– Уже нашла, – не знаю, откуда только взялась эта смелость, но я чувствую, если сейчас не сделаю этот шаг, то больше никогда в жизни не встречу этого мужчину.

В воздухе висит напряжение. И теперь он как-то иначе смотрит на меня. Словно оценивая. Совсем не так, как смотрят на маленьких дурочек, а на заинтересовавшую девушку.

По телу пронеосится электрический разряд, разгоняя сердце еще сильнее и впрыскивая в кровь адреналин. Кажется, я играю с огнем, но отступить уже не смогу.

– Не смотри на меня так, – усмехается он.

Я чувствую, как у меня горят щеки, и на мгновение становится страшно, будто я перешагнула черту. Отвожу взгляд в сторону, пряча появившееся смущение, но снова возвращаю его обратно, перебарывая трусость.

– Как – так? – поднимаюсь на цыпочках, стараясь перекричать музыку.

– Голодно, – хмыкает он.

– Я не... – осеклась. – Я даже не знаю, как это.

– Как женщина, которую тянет к мужчине. Которая готова ему отдаться.

Лицо заливают краской, и от его слов сбивается дыхание.

– Тебя тянет ко мне, – выдергивает чеку из гранаты. Как? Как он это понял? Ведь я сама не до конца распознаю свои эмоции. Мужчина оглядывается куда-то, сканирует взглядом зал, а затем снова сосредотачивает внимание на мне. – Хочешь, чтобы я тебя трахнул? – даже под светом неоновых лучей вижу, как изменился его взгляд, становясь темным, тяжелым.

Никогда еще никто не разговаривал со мной так грубо. Но вопреки здравому смыслу ощущаю, как низ живота наливается тяжестью.

– А тебе все равно кого, да? Сделаешь это с любой?

Внезапно стало обидно, что тот, от кого у меня сбивается дыхание и учащается пульс, воспринимает меня как какую-то... дешевку. Неужели я просто нарисовала себе его образ?

– С любой не буду, – смотрит на мои губы. – Тебя вот не стану.

Слова словно пощечина. Никогда меня так не унижали. Даже Роман со своей рыжей...

– Тогда что ты тут делаешь? – сдерживаю всхлип. – Почему стоишь и разговариваешь со мной? Не трать время. Найди ту, которую захочешь...

– Этим и займись. Но сначала провожу тебя до такси, чтобы ты этого не увидела, – уничтожает меня своим ответом. – И больше никогда не попадалась мне на глаза.

Глава 6

Мия

Лицо пылает и щиплет глаза. Вместо красивого мужского лица, я вижу лишь его размытый силуэт. Молча открываю и закрываю рот, теряюсь, что ответить на эту грубость. Зачем он так? Зачем унизил меня, заставил себя почувствовать не то что нежеланной, а гадкой уродливой, неспособной вызвать интерес у мужского пола.

Какое-то время еще стою на месте, рассчитывая ударить его в ответ словами и сделать так, чтобы он прочувствовал всю ту боль, что причинил мне. Хочется, чтобы у него щемило в груди и сжимало спазмами горло, чтобы он не мог и звука произнести, зная, что стоит открыть рот, как его разорвут рыдания.

Но все это лишь мои фантазии. Фантазии глупой маленькой девочки, липнущей ко взрослому мужчине.

– Хорошо, – с надрывом выдавливаю из себя, стараясь не разреветься у него на глазах, и кидаюсь снова в гуцу людей.

Не успеваю сделать и пары шагов, как меня хватают за руку и тащат в совершенно другую сторону. Оборачиваюсь, увидев блестящие во тьме глаза моего незнакомца. Он тут же отворачивается от меня и тянет к выходу. В это мгновение во мне надрывается какая-то струна. Я понимаю, что это все. Сейчас он посадит меня в такси, и я выполню его просьбу, потому что вряд ли звезды сойдутся так, что мы пересечемся где-то еще на этой планете.

Обида, боль, разочарование и отчаяние смешиваются в дикий коктейль. Шипящий и бродящий под прессом из воспитания, приличий, осознания того, насколько я совершила дурной поступок, и желания во что бы то ни стало понравиться этому мужчине. Ему одному. Все это кипит и бурлит внутри меня, но я больше не могу держать эмоции в себе. Не получается сдерживать их напор, распирающий изнутри. Это предел.

Меня прорывает потоком слез, омывающих щеки и стекающих с подбородка, капающих на кружево.

Я иду следом за высокой фигурой, чувствую его пальцы, сжимающие мое предплечье поверх тонкого кружева. Они жгут. И наверняка там останется ожог, напоминающий о разбитом сердце.

Иду, не разбирая дороги. Слепо следуя тому, кто всего лишь за пару мгновений перевернул мою жизнь вверх дном, превращая в ту, кого я до этого не знала. Сердце рвано стучит, пытаюсь выпорхнуть из клетки, а я больше не сдерживаю слез, позволяя им оплакивать мою несостоявшуюся любовь.

– Прекрати, – резко одергивает меня, когда оказываемся в холле. – Где твой номерок?

Слышу словно сквозь толщу воды его бархатный голос, вызывающий теперь только раздражение.

Не дождавшись ответа, выдернул у меня из рук сумочку, отыскивая там номерок и забирая пальто из гардероба.

– Почему? Что со мной не так? – знаю, что сейчас сделает еще больнее, но надеюсь услышать, что не все потеряно и, возможно, у меня есть мизерный шанс.

Он игнорирует меня, молча держит пальто, сверля каким-то хмурым нечитаемым взором.

– Поторопись. Мне некогда с тобой возиться, – звучат слова очередной оплеухой.

Засовываю руки в рукава пальто и позволяю вывести себя на улицу, словно безвольную куклу. Он что-то набирает на телефоне и отводит меня подальше от входа с огромным охранником и очередью, пытающейся проникнуть внутрь.

– Ну так скажешь? – плевать, что решит, будто я душная и липкая, он и так уже навесил на меня ярлык неинтересной, непривлекательной. Вряд ли ситуация может усугубиться. – Почему меня нельзя хотеть? – нет сил даже поразиться собственной смелости и тому, что я смогла произнести эту фразу вслух.

– А ты разве что-то умеешь? – недобро усмехнулся.

– Я многое умею! – слезы высохли, и теперь смотрю на него снизу вверх, задрав подбородок.

– Seriously? – убрал смартфон во внутренний карман пиджака. – Умеешь сосать член и заглатывать так, чтобы самой при этом кончать от наслаждения? Готова подставить любую дырку, какую только захочу, даже если я люблю анал? – с каждым новым словом все сильнее заливаюся краской. – Ты вообще представляешь, как выглядит мужской член?

– Конечно... – звучит неуверенно, и он это слышит.

– Или что ты хотела? Думала, поведу тебя на свидание и буду благодарить богов за твою целку, потратив год на то, чтобы ты дала к ней доступ? – выплевывает яд, окончательно разъедая мою душу.

– Я не ... – пытаюсь повторить это грязное слово, порочащее то, что я оберегала и наивно считала своим достоинством. А он лишь парой фраз превратил это в уродство, дефект, от которого обычных людей тошнит.

– Что не? – вижу издевку и отвращение на красивом лице и чувствую то же самое к себе. Теперь кажусь себе прокаженной. Будто я покрыта язвами, а нутро у меня кишит гадами. Мерзкая, гадкая, отвратительная.

Собираюсь солгать, хотя бы немного смыть с его лица пренебрежение. Но рядом останавливается автомобиль. Мужчина открывает пассажирскую дверь, дожидаясь, когда я наконец-то исчезну и перестану уродовать его мир.

Подхожу к автомобилю и смотрю в последний раз ему в глаза.

– Кир! – слышу мужской голос, который мгновенно перетягивает мое внимание. – Ты уже отвез своего босса? Поехали с нами. Для тебя тоже есть подарок.

Поднимаюсь на цыпочки, посмотрев поверх автомобильной двери и высываясь из-за высокой фигуры.

– Папа? – ошарашенно смотрю на отца, идущего от клуба и прижимающего к себе за талии двух девушек, льнущих к нему и пьяно хихикающих. Сердце замирает, а затем с грохотом падает в пропасть. Одна из девиц облизывает его шею, а у меня к горлу подкатывает рвотный позыв.

– Уже иду! – не прерывая зрительного контакта со мной, кричит синеглазый мужчина моему отцу, лишь слегка повернув голову вбок.

– Поторопись! Нам нужна подмога! – пьяно смеется мой родитель.

Не верю глазам, что это действительно мой идеальный и самый правильный папа. Должно быть, у меня обман зрения. Смотрю, как позади него сталпливаются еще мужчины в сопровождении таких же вульгарных полуголых женщин, ощущая жар в груди и в венах.

– Тебе пора, – мужчина по имени Кир заталкивает меня в такси и захлопывает дверь.

Машина тут же трогается. Пораженная увиденным, оборачиваюсь назад, наблюдая, как, убедившись в том, что я уехала, он уходит к компании моего отца. И до тех пор, пока их фигуры не превращаются в едва заметные пятна, смотрю на моего папу, целующего по очереди посторонних женщин.

Несколько минут назад я думала, что это самый худший день в моей жизни и моя жизнь окончена. Нет. Тогда это были лишь предвестники конца света. А настоящий Армагеддон

только что взорвал мой привычный и знакомый мир. Сегодня я окончательно распрощалась с детством.

Глава 7

Кирилл

– Поехали? – расплылся в улыбке Алик, словно мартовский кот, которого вылизывали со двух сторон девочки.

– Я на работе. Давайте без меня, – встал поодаль, оценивая развернувшуюся картину.

Плахотин не настолько пьян, каким пытается казаться. Все подмечает, за всем следит, и ничто не ускользает от его взгляда. Та еще прожженная мразь. Вот только как не углядел дочку свою? Все знают, в каких железных рукавицах он воспитывает ее. И как его принцесса оказалась посреди рассадника разврата, оставалось загадкой. Да и ее лицо говорило красноречивее любых слов, стоило ей заметить папашу, что тот не в курсе ее пребывания на одной с ним территории.. Похоже, мелкая устроила бунт и улизнула от строгого родительского надзора.

А ведь я не сразу узнал ее. Утром в филармонии, куда сумел выделить часок, чтобы поддержать Каринку на конкурсе, стоило взглянуть в её личико детское, испуганное, как тут же пришло узнавание, кто такая. Да и Алика видел в зале во время выступления конкурсантов. Тогда она мне показалась совсем ребенком. Девчонкой наивной. И зная, как дрессировал ее Плаха, понимал, не было у нее возможности повзрослеть. А заглянув в чистые, огромные как блюдца синие глаза, обалдел, встретившись с такой непорочностью, что мгновенно захотелось защитить её и сохранить эту чистоту, чтобы осталась непорочной как можно дольше.

И нужно ли говорить, как я охуел, когда понял, что вот эта девчонка в платье с полупрозрачным верхом и так зазывно смотрящая на меня – та самая Пуговка, которую я встретил несколькими часами ранее, задыхающуюся от панической атаки. Как она здесь оказалась? Да и еще в то время, как ее папаша в паре сотен метров от нее расслаблялся в компании эскортниц.

Увидел восторг в ее глазах и какое-то странное обожание, и в голове вмиг включились все аварийные сигналы, кричащие о том, что нужно обрубить это на корню. Не знаю, зачем она находилась в клубе и что именно искала, но, поймав ее намерение раздеться передом мной, должен был предотвратить возможную катастрофу. Она ж девчонка еще совсем. Глупая, наивная, дочь нашего прямого конкурента. И мне такой гимор нахер не сдался. Хочет приключений, пусть ищет их без моего участия и без моего ведома. Да и папаша ее не должен увидеть.

Показал ей, какими ублюдками могут быть мужики. Малышка явно не привыкла к такому общению. До слез ее довел, и в груди чувство такое гадское поселилось, словно Каринку мою заставил плакать, но в то же время был бы рад, если кто-то вовремя остановил ее от подобных глупостей, как я остановил Плахотинскую малолетку. Стоило представить, что моя мелкая егоза так же смотрит на какого-то взрослого мудака, как эта Пуговка на меня, и сразу кровь закипала в венах. Убью любого, кто только посмеет ее хоть пальцем тронуть. Поэтому, отправив домой Пуговку, ощутил облегчение, но лишь на время. Поганое чувство поселилось после этого короткого общения. Но я тут же погасил его в себе, сосредоточившись на работе.

– Да ладно тебе. Босс уже отдыхает, тебе самое время расслабиться, – тянул лыбу Плаха, явно не просто так приглашая меня присоединиться.

– Не положено, – прямо смотрю ему в глаза и жду, когда он уже сядет в машину.

– Смотри, жалеть будешь, – хохотнул Алик и сел в ожидающий его седан.

Остальные участники переговоров погрузились в соседние автомобили вместе с девочками. Первым тронулся автомобиль охраны, и спустя пятнадцать секунд за ним последовал остальной кортеж, состоящий из четырех машин, с еще одним составом охраны в хвосте.

Дождавшись, когда за поворотом исчезнут стоп-огни замыкающей кортеж тачки, развернулся обратно к клубу. У черного входа находились мои люди, подстраховывающие на недру-

желюбной для нас территории. Трое парней со мной и еще пятеро с Адамом в отеле. Никогда не знаешь, чем обернется с первого взгляда мирная встреча, и нужно быть готовым ко всему.

– Все чисто, – отчитывается Дэн. – Записей нет.

Киваю и поднимаюсь в випку, где проходила неофициальная часть. Лёха еще не запускает уборщицу и официантку в кабинку, чтобы те навели порядок.

Прохожу в помещение, пропахшее сигарами, алкоголем, потом вперемишку с дорогим мужским парфюмом и сладкими духами девиц и похотью. Вместе с Семеном и Михой проверяем все поверхности по кругу на наличие припрятанных записывающих устройств, заглядываем во все щели, чтобы не допустить промаха. Мы проделывали все то же самое до того, как сюда поднялись Адам и компания Плахотина. И никому из них ничто не мешало установить запись во время попойки.

Пустые бутылки, объедки, остатки белого порошка на зеркальной поверхности стола и использованные презервативы в мусоре. Кто-то успел присунуть, не нуждаясь в уединении. Убедившись, что не осталось никаких следов пребывания Панкрата, даю уборщице добро на уборку помещения.

Вернувшись в отель, еще раз проверяем все входы и выходы, и, назначив дежурных, ухожу к себе в номер.

Не успев перешагнуть порог, слышу вибрацию во внутреннем кармане. Достая смартфон, одновременно скидывая пиджак на тумбу и расстегивая верхние пуговицы рубашки. Нажимаю на зеленый значок видеосвязи и тут же вижу пышную грудь в черном кружевном лифчике.

Смотрю, как изображение меняется, и женские ладони сжимают груди, делая впадинку между сиськами глубже.

– Ну привет, – здороваюсь с девушкой, скрывающей лицо. – Мила? – усмехаюсь и мысленно считаю до трех.

– Какая Мила? – на дисплее появляется разъяренное лицо Ольги. – Ты что, даже номер мой не сохранил? – дует губы блондинка.

– А ты как думаешь? – падаю в кресло и рассматриваю безупречное лицо девушки. Красивая сучка.

– Я уже не знаю, что думать, Кириш. Ты на звонки не отвечаешь, встречи переносишь. Признаться, – делает театральную паузу и облизывает губки, а у меня к паху приливает кровь от этого ее блядского жеста, стоит вспомнить, что этот рот умеет делать и как сладко погружаться членом между этих сочных вареников, – я тебя больше не возбуждаю?

– Отчего же, – направляю камеру на свой пах и обхватываю ладонью эрекцию. – Видишь?

– Через брюки совсем не могу ничего разобрать, картинка мутная, – кокетничает эта стерва. – Покажи поближе, я совсем забыла, как он выглядит.

– Давай лучше я на тебя посмотрю, – на такие уловки меня не купишь.

Неважно, сколько раз я ебал ту или иную девку, но игры с видеотрансляцией и гаджетами не допускал. Никому не нужны дешевые скандалы с интимным видео начальника личной охраны Панкрата. Потом это дерьмо придется расхлебывать ложками.

– Что хочешь увидеть? Это? – видимо, поместила гаджет на подставку, и на экране качнулись две сочные пышные сиськи, больше не сдерживаемые бельем. Розовые крупные ареолы и стянутые в тугие комочки вершинки манили к себе, зазывая втянуть их губами. Почувствовал, как во рту скопилась слюна.

Сжал член через брюки, ощущая, как он болезненно прижимается к ширинке.

– Эти девочки так соскучились по твоим рукам, – сжала полушария, а затем ущипнула себя за соски. – Твоим губам, – издала стон и томно прикрыла глаза.

Трахаться хотелось до одури. Но максимум, что я мог позволить себе здесь, на чужой территории, это спустить себе в кулак.

– А знаешь, кто еще соскучился по тебе, мой суровый и занятой мужчина, – поморщился от этой сладости, от которой даже скулы свело.

– Оль, мы договаривались. Мы встречаемся время от времени, не более. Никаких ярлыков. Я предупреждал.

Стоило девушке начинать меня называть своим, как я тормозил связь с ней, каким бы охуительным ни был секс с ней. Хватило одного раза увязнуть так, что до сих пор не получалось собрать себя в единое целое.

– Прости, малыш, – начала она мурлыкать, но момент оказался упущен. – Посмотри на мою девочку, она так истосковалась по тебе.

– Мне пора, – скинул вызов, даже не попрощавшись, кинув номер в блок.

По всей видимости, у нас разное представление о ни к чему не обязывающей связи. Откинул гаджет в сторону, потеряв переносицу и положив голову на спинку кресла.

Не время отвлекаться. В последнее время происходит нездоровая возня вокруг Панкратова. И за оставшиеся два дня моя задача понять, что именно на уме у Алика.

В голове тут же всплыл образ его дочки с этими бездонными глазами-блюдцами, наполненными слезами. Почувствовал нечто похожее на что? На вину? Вряд ли. Тогда что это за странный червь, разъедающий грудак? Нет, это не совесть. Это ожидание какого-то лютого треша. Оставалось надеяться, что у девчонки симпатия ко мне оказалась минутной блажью, и она очень быстро забудется, увлекшись кем-то из ровесников. И надо намекнуть Алику, чтобы лучше следил за малолетней дурочкой. Далеко не все мужики такие же благородные с молодыми дурочками, прыгающими к ним на шею. И следующий подобный поход в клуб может очень плохо для нее закончиться.

Взял в руки смартфон.

– Дэн, – набрал своего подчиненного. – Занеси мне запись с камер из клуба.

– Пару минут, – отозвался парень, и я нажал на кнопку отбоя, собираясь привести свой план в действие.

Глава 8

Мия

- Жду внизу, – пронесся по номеру папин голос.
- Угу, – глухо отзываюсь.
- Мия, ты меня поняла? Без задержек!
- Да, – отвечаю, но меня, кажется, слышит только дверное полотно.

До сих пор не верится, что папа выдернул меня с занятий и потащил в эту дыру. Но теперь он меня не оставляет без присмотра ни на мгновение.

Вздрыгнула, вспомнив, как началось мое утро после клуба.

Никогда я еще не видела папу в таком гневе. Он тогда практически с ноги открыл дверь моей спальни, так, что у меня от стука, с которым она отлетела от стены, долго еще звенело в ушах. Помню, как за ним вбежала в комнату мама, но не вмешивалась. Скукожившись у входа, наблюдала за разворачивающейся сценой словно побитая собака, опасаящаяся новой вспышки хозяйской агрессии.

Оказывается, отпустить в клуб с Ромашкой было лично ее инициативой. И кто-то ночью прислал папе видео, где мы с Соколовым сидели в лаундж-зоне, а потом я одна бродила по танцполу. Без Романа.

Тогда первое, что мне пришло на ум – отец увидел меня со взрослым незнакомцем и поэтому так взбешен. И снова одна только мысль о мужчине, разбившем мне сердце, и грудь болезненно сжало.

Но затем впервые в жизни я услышала, как отец осыпает таким отборным матом и меня, и маму, что мгновенно забыла о своем страхе, как и обо всех мужчинах на планете вместе взятых. Но зато вспомнила, как увидела отца в компании женщин. И мамы среди них не было. Стоило воскресить в памяти те мгновения на улице возле такси, как меня охватила ответная ярость.

Как он смеет предъявлять мне что-то после такого предательства?! Неужели считает, что может меня третировать за единственный выход в клуб, и то не самовольный, а с маминого разрешения, в то время как сам там... с другими. Судя по тому, как они вылизывали его шею, вряд ли они поехали петь в караоке. И все это за спиной у мамы и на глазах у его приятелей!

Никогда не забуду его подлости и тех слов, которыми он осыпал меня и маму за несогласованные решения. Пусть спустя два дня после завершения переговоров он и повел нас с мамой в ресторан и пытался как-то сгладить ссору, но для меня все навсегда изменилось. В моих глазах он – предатель, и я больше не смогу воспринимать его, как и прежде. Таким же непогрешимым, чье слово воспринимается за истину, и самым честным.

Когда же я попыталась рассказать об увиденном маме, она лишь сверкнула глазами и сказала:

– Ты ошиблась, – сухо проговорила она. – Папы там не было, – показалось, что её пальцы, сжимающие чашку с кофе, сжали фарфор чуть сильнее. – Выкинь из головы эти глупости и больше никогда не смей обвинять отца в подобной мерзости! Тебе должно быть стыдно, Мия, что ты наговариваешь на отца!

Конечно, после подобной реакции я вряд ли решусь вновь влезать в их отношения. Но родители после того случая заметно отделились друг от друга. При мне они ничего не обсуждали, но я чувствовала звенящее между ними напряжение.

Радовало одно – меня больше не заставляли общаться с Романом. Хотя я и понимала, это лишь временное затишье. Родители наверняка устроили тому взбучку за то, что бросил

меня одну в рассаднике порока. Иначе для чего бы ему писать мне на следующий день кучу сообщений с извинениями. Как и все последующие две недели, ежедневно.

Но все равно я не понимала, зачем папа потащил меня с собой на периферию для посещения какого-то благотворительного бала, да еще и без мамы. Кажется, между ними все стало совсем плохо.

Поэтому отдуваться сегодня придется мне одной.

Кинула на себя в зеркало последний взгляд, особо даже не заботясь о том, как выгляжу, и спустилась вниз.

– Наконец-то! – раздраженно сказал папа, направляясь к выходу. – Опаздываем уже.

Молча следуя за ним, снова ощущая ту самую духоту, что так часто стала донимать меня в присутствии родителей. И вообще я осознала, насколько неуютно рядом с ними. Мне все время кажется, будто я в клетке, выбраться откуда у меня нет ни единой возможности.

– Ничего себе! – вырывается из меня, когда вижу здание оперного театра, где проходит благотворительный вечер.

– Неожиданно, да, зайчонок? – усмехается папа, помогая мне выбраться из машины.

– Не думала, что в этом захолустье есть на что посмотреть, – рассматривала большой купол здания, спрятанный за несколькими рядами белоснежных колонн, чувствуя, как настроение постепенно начинает исправляться.

Вечер проходит примерно так же, как и множество ему подобных. Фуршет, журналисты, выступление организаторов фонда, еще каких-то людей и кавер-группы. Все по привычному сценарию. Папа как обычно на людях само дружелюбие и очарование, поскольку постоянно находится под прицелом камер. Я же глазею по сторонам, рассматривая людей. В целом вечер кажется привычным и течет в своем русле.

Все меняется в один миг, когда останавливаемся поздороваться с папиным знакомым, от взгляда которого по коже бегут мурашки. Уродливый шрам на скуле, черные непроницаемые глаза, сканирующие каждого словно рентген, и подавляющая энергетика. Мне не нравится, как он смотрит на папу и на меня, но я, как и положено Плахотиным, продолжаю улыбаться вопреки своим эмоциям. Но чтобы как-то скинуть напряжение повисшее в воздухе во время беседы с мужчиной по имени Адам, стараюсь смотреть куда угодно, только не пересекаться с ним взглядами.

Мечусь по залу растерянным взором, цепляюсь за фигуру, что мое сердце узнает раньше, чем распознает мозг. Не понимая, из-за чего учащается пульс, возвращаю внимание к тому, о кого запнулось мое дыхание, и встречаюсь с пронзительно-синим колючим взглядом. Практически не мигая, на меня смотрит мой незнакомец из филармонии.

Взгляды сцепляются. Глаза в глаза. Я вижу, как он сверлит меня этим нечитаемым взором, но уверена, он узнал меня. Просто не мог не узнать. А затем просто отворачивается и уходит.

– Пап, я на минутку, – осипшим от волнения голосом предупреждаю отца.

Он лишь кивает, продолжая разговор. А я на негнущихся ногах, с биением в груди, отбивающим бешеный ритм, оглядываюсь по сторонам, выискивая его.

Сколько раз за эти бесконечные четырнадцать дней я прокручивала две наши мимолетные встречи, сколько раз воскрешала его жесткие и грубые слова и столько же находила ему оправдание. Он знал моего отца – это очевидно, как, видимо, и тот факт, что знал, чья я дочь. Ведь когда я увидела папу там, у такси, ни один мускул не дрогнул на лице Кира. Все потому, что он знал. С самого начала знал, кто я, поэтому не захотел связываться. Никому не нужны проблемы от связи с дочкой Александра Плахотина.

Но если он так жестоко оттолкнул меня в прошлый раз, зачем я ищу его снова?

Просто взглянуть. Еще один лишь раз. Ведь за просмотр никто денег не возьмет, и больше он мне не сделает.

Но незнакомца нигде нет. Ушел? Увидел меня и сбежал?

Щеки пылают, и я задыхаюсь от отчаяния. Выбегаю на улицу прямо в шелковом платье и накинута сверху него пиджаке. Ловлю ртом морозный воздух, словно рыба, беззвучно открывая рот. Дышу, но кислород будто не поступает в легкие.

– Я же предупреждал тебя, – раздается за моей спиной голос, при звуках которого сердце замирает в груди.

Глава 9

Мия

Сердце пропускает удар. Пауза. Разряд.

Медленно оборачиваюсь и упираюсь взглядом в широкую грудь обтянутую черной рубашкой и темно-синим пиджаком. Медленно поднимаю глаза вверх и ощущаю, как пересыхает во рту. Синие пронзительные глаза смотрят на меня так пристально, что невольно опускаю веки, стараясь не поддаваться эмоциям, пробуждающимся рядом с ним. Но вместе с этой эмоциональной бурей из груди на поверхность поднимается злость.

Какое право он имеет так со мной разговаривать?

– Это ты за мной вышел, не я, – кинула зло, встретившись с тяжелым взглядом. – Мне воздуха мало было внутри. Что тебе самому от меня нужно?

Говорю резко, и с каждым словом моя злость на него за то, что общается со мной как с назойливой мухой, на папу за лицемерие и обман, маму, за то что никогда не встает на мою сторону, и свою жизнь в целом, наслаивается слой за слоем, превращаясь в огромный ком.

Кир не двигается и не выдает никаких эмоций вообще, просто изучает меня, словно интересный экземпляр. И только теперь я начинаю нервничать. Меня охватывает озноб. Ощущаю, как шелк платья и подкладка жакета накаляются от морозного воздуха и прижимаются ледяной пленкой к коже, вызывая мурашки. Но не сбегая внутрь, пригвожденная к месту энергетикой мужчины напротив.

– От тебя? – и снова от звука его голоса перехватывает дыхание. Да что со мной не так? Почему он так действует на меня? – Ничего. Выполняю свою работу, – не стал вдаваться в подробности, какую именно.

– Твоя работа – следить за моими передвижениями? – выдаю, прежде чем успеваю задуматься.

– Зайди внутрь, простудишься, – игнорирует мой вопрос.

Конечно, зачем вообще реагировать на малолетку и отвечать на вопросы.

– Можно подумать, тебя это волнует, – обняла себя руками, чтобы так явно не стучать зубами.

Он лишь пожал плечами, продолжая сверлить меня взглядом.

Казалось, что он совершенно не чувствует холода. Стоит так же спокойно, уверенно, засунув руки в карманы брюк, и даже не двигается. Я же уже откровенно приплясываю, переступая с ноги на ногу.

Мужчина хмыкнул, и его идеальные губы изгибаются в усмешке.

– Что? – огрызнулась, но подобное поведение совершенно мне не свойственно.

– Жду, насколько хватит твоего упрямства.

– Я не упрямлюсь... – ответила, задумавшись, когда вообще такое было, чтобы я делала что-то назло себе, лишь бы вывести кого-то на эмоции. И ответ поразил меня. Никогда. Тогда отчего я веду себя с ним как капризный ребенок? Неужели вот такая я на самом деле?

Кир лишь хмыкнул еще раз.

– Ты зубами стучишь.

– Почему ты не сказал, что знаешь моего отца?

– Это что-то меняет? – слегка нахмурился.

– Из-за этого ты был так груб со мной? – горло сжимается, и голос звучит глухо.

– Нет. Я сказал, что думаю. Найди себе сверстника и держись подальше от таких как я.

– Не волнуйся. Мне уже нашли жениха. Можешь не опасаться за свою честь, – рот наполнился горечью.

– Ты будешь счастлива. Твоя жизнь только начинается, – ласково улыбнулся он.

– Буду! Несмотря ни на что! – с каждым новым словом понимала, как эти слова далеки от моих ощущений. Я ведь буквально тону под толщей норм и ожиданий окружающих. А мне так хочется просто дышать полной грудью и не оглядываться на мнение окружающих.

– Кирилл Владимирович, – взбежал по ступеням молодой мужчины в черном костюме. – Все готово.

Кир лишь кивнул и открыл входную дверь в театр.

– Заходишь? – спросил меня, но уже словно потеряв всякий интерес ко мне.

– Да, – призналась себе, что мерзнуть понапрасну нет никакого желания. Как и пролежать с бронхитом следующие пару недель.

Как только мы заходим в блаженное тепло театра, я, кажется, даже издаю какой-то звук, похожий на стон. Ловлю себя на этом и тут же краснею, надеясь, что Кир не услышал этого постыдного мычания. Но ему все равно.

Обогнув меня, он устремляется вперед и уходит, не попрощавшись и даже не оглядываясь. А я плетусь в зал, откуда доносится музыка, упав духом еще сильнее, чем до встречи с ним. Вижу папу, мило улыбающегося какой-то паре, но остаюсь в стороне, понимая, что он даже не заметил моего отсутствия.

Боковым зрением замечаю, как Кир и еще трое высоких парней, сопровождают того самого мужчину, от которого у меня мороз по коже, с его молодой спутницей. Стараюсь не смотреть на моего незнакомца, решив для себя прекратить эти бесполезные страдания, но взгляд так и липнет к его высокой фигуре.

– Вот ты где! – вздрагиваю, услышав папин голос. – Готова ехать?

– Конечно, пап, – улыбаюсь, снова включаясь в роль идеальной дочери, но напоследок решаю все же узнать, от чьего взгляда у меня подгибаются коленки и сбивается дыхание. Набираю побольше воздуха в легкие и спрашиваю: – А кто вон те люди? – стараюсь звучать беззаботно, но голос дает трель.

– Это, зайчонок, те, от кого стоит держаться подальше, – вмиг становится серьезным.

– Почему? Я думала, вы в приятельских отношениях с тем мужчиной... – не стала уточнять, с кем именно.

– Друзей держи близко, а врагов еще ближе. Помни об этом, дочь, и никогда не забывай!

Значит, враг? Тогда я точно сумею забыть его и больше никогда не вспомню об этой позорной влюбленности. Никогда!

Глава 10

Мия

– Ну чего ты? Цветы не понравились? – смотрит на меня с привычной самоуверенной ухмылкой Соколов.

– Красивые, – задумчиво говорю, лишь мазнув взглядом по букету.

– Тогда в чем проблема? Радоваться надо. Или второе место не достойно гордости?

Он стоит слишком близко. Резкий аромат парфюма обволакивает. Чувствую его мятное дыхание с оттенком манго и отчего-то реагирую именно на примесь фруктового аромата. Курит?

– Ты куришь? – не сдерживаюсь, игнорируя его вопрос.

– Что? – удивлённо вскидывает брови. – Вейп, – озадаченно разглядывает меня. – Это имеет какое-то значение?

Пожимаю плечами, стараясь отодвинуться от Романа подальше.

Не хочу, чтобы он нарушал моё личное пространство. Я не готова к этому, не сейчас. Особенно когда в такой же близости был совершенно другой человек, мысли о котором я, как бы ни старалась, не могла вытравить.

– Мышиный хвост, да ладно тебе. Столько времени прошло. Мне правда стыдно, как я тогда с тобой поступил, – улыбается, старается, а мне плевать на все его попытки.

– Неважно, – отдаю букет горничной и иду в сторону гостиной.

– Может, прогуляемся? – идёт следом за мной Роман.

– Холодно, – отвечаю не оборачиваясь.

– Мышь сегодня не в духе? – слышу хриплый смех.

– Ром, – резко оборачиваюсь. Так, что он почти врежется в меня. – Зачем тебе все это? Я ведь тебе совсем не нравлюсь. Я видела, какие девушки в твоём вкусе, а я и близко не такая.

На лице Соколова на несколько мгновений появляется удивление, а затем сменяется на воодушевление.

– Зря ты так, – как-то внезапно хмурится он. – Честно, когда старики объяснили мне весь расклад насчёт тебя, я сначала воспринял это только как сделку. Но потом увидел, какой ты стала, и теперь совсем не против. Даже больше. Мне нравится то, что ты будешь моей женой. Потому что я представлял тебя все той же мышью, а ты эволюционировала и из гусеницы превратилась в бабочку.

– Я ещё не давала согласия, – в груди жгло, а во рту стало кисло от этой фальши и лицемерия.

– Можно подумать, у тебя есть выбор, – шагнул ближе, снова вторгаясь в моё личное пространство.

Смотрела на него, тяжело дыша, представляя, как буду видеть это лицо каждый день, и становилось тошно. Я не смогу жить с нелюбимым, не смогу даже притворяться счастливой с кем-то, к кому не испытываю совершенно никаких эмоций, кроме отвращения. После похода в ночной клуб мне даже как с другом неприятно стало с ним общаться, не говоря уже о том, чтобы представить его в роли мужа.

– Выбор есть всегда, – наконец-то отвечаю на его вопрос.

– Ха, – рассмеялся мне в лицо. – Наивная девочка Мия! Расскажи об этом своим родителям.

Ромашка стал откровенно раздражать меня. Я не хотела его навязчивых фальшивых ухаживаний. Не хотела обсуждать с ним договоренность родителей, а она была, иначе папа после

случая в клубе ни за что не подпустил бы его ко мне. Но, оказывается, мои безопасность и покой ерунда, когда речь идет о сделке.

Разозлившись, повернулась в нему спиной и пошла в гостиную.

– Я знаю, почему ты такая сердитая, – не отлипал от меня этот банный лист. – Правда, что ты целка?

– Что? – от возмущения вспыхнули щеки, и я даже растерялась с ответом, просто метала в него глазами молнии.

– Так давай помогу. Это даже как-то символично, что я у тебя буду первым. Еще ни разу не рвал целку, – протягивает руку, пытаясь дотронуться до моей щеки.

– С ума сошел! – вскрикиваю, отскакивая от Ромашки на шаг. – И не мечтай!

Обернулась и, больше не делая пауз, влетела в гостиную, куда как раз вошли наши родители.

– Инга, я же говорила, что они поладят! – на лице матери Соколова растягивается приторная улыбка. – Ну что за милашки! – подошла ко мне потрепав за щеку.

– Действительно, – по захмелевшему взгляду мамы вижу, что она счастлива тем, что мы поладили. – Вы у нас такие молодцы!

А я смотрю на маму широко раскрытыми глазами и не верю в ее лицемерие. После клуба она негодовала немногим меньше, чем отец, называя Соколова-младшего малолетним подонком. Теперь же так радостно втюхивает меня ему, будто это самый лучший кандидат в мужья ее единственной дочери из всех возможных.

– Правда? – чувствую, как внутри закипаю от злости. – И в чем же у нас преуспел Роман? Есть какие-то личные заслуги, кроме как родиться в семье Соколовых? – из меня так и сочится яд, буквально из каждой поры. Сейчас у меня нет желания анализировать свое поведение, только выплеснуть разьедающую меня изнутри желчь, на людей что окружают меня.

– Ромочка у нас магистр финансов, капитан команды чемпионов мира по поло, а еще Роман получил награду за самый перспективный стартап года.

Пока Нелли с гордостью перечисляла достижения собственного сына, мне хотелось сквозь землю провалиться.

– Надо же! Как мне повезло! – перевожу взгляд на него. – Какая выгодная партия!

В комнату входит отец в сопровождении Соколова-старшего.

– Дети! – радостно складывает ладони вместе перед собой отец Романа. – У нас для вас сюрприз!

– Может, не надо... – уже чувствовала, что ничем добрым это все не закончится.

– У Соколовых открывается новый курорт на юге! И вы вместе летите на открытие!

– С родителями, – прокашливается мама.

– С родителями, – добавляет отец.

– Да вы шутите... – отказываюсь верить, что ад уже опустился на землю. Обвожу взглядом собравшихся, понимая: ни хрена это не шутка.

– Круто, мышинный хвост, не правда ли? – ехидно улыбается Роман. – Там и воплотим в жизнь мое предложение, – подмигнул Ромашка, пройдя до барной стойки.

А я стою как громом пораженная, чувствуя, как мороз пробегает по коже. Похоже, эта поездка станет для меня настоящим испытанием. И я оказалась права.

Глава 11

Кирилл

– Ты уверен? – слушаю Димана, моего человека, следящего за перемещением товара Плахотина.

– Можешь не сомневаться, Кир. Мой информатор говорит, что ее уже готовятся продать на Восток.

– К чему тогда этот цирк с видео? – тру надбровные дуги, пытаюсь перебороть усталость, навалившуюся в последние дни, с момента похищения любовницы моего начальника.

– Там какая-то мутная история. Но совершенно точно, после того как отправят последнее видео, ее посадят в грузовик отдельно от остальных и отправят по особому заказу, – слышал, как он выдыхал табачный дым изо рта.

– Чей заказ, известно? – ситуация дерьмово пахла. И требовала быстрых реакций и еще более быстрых решений.

– Об этом знает только тот, кто организовал эту заварушку.

– Думаешь, Плаха сам до этого додумался? – вся эта история не давала мне покоя. Слишком это не походило на стиль Плахотина.

Он, конечно, как и многие в этих кругах, не брезговал разными методами, но вот так радикально – похищать подружку конкурента, инсценировать насилие, хотя я уже не удивился бы, если эти гондоны довели дело до конца, да еще вдобавок ко всему продать в рабство за границу... Что-то здесь нечисто. Неужели он настолько отчаялся выползти из задницы, в которую сам себя планомерно загонял своими политическими амбициями и неверным партнерством, что пошел на то, что заведомо не прощается. А зная Адама как никто другой, могу сказать, что Плахотин труп. И если он до сих пор жив, то лишь потому, что Диман не выяснил точные координаты базы, где ее прячут.

– Не думаю, что сам. Сам бы он и не обратил внимания, что Панкратов потрахивает новую девицу. Не мне тебе рассказывать, откуда ноги растут, – зло выплюнул Димон.

– Необдуманно. Со всех сторон, – презирал предателей. Нет ничего омерзительней, чем крыса, постепенно откусывающая куски от руки, прикормившей ее. И теперь предстояло разбираться как минимум с двумя из них.

Если мне так дерьмово и мерзко от одной только мысли об этом, то сложно представить, каково Адаму. Но, с другой стороны, лучше избавиться от крыс сейчас, чем продолжать позволять им гадить там, где сами кормятся.

– Надо узнать имя заказчика. Сможешь организовать? – буквально слышал, как крутятся шестеренки в голове Димана.

– Сделаю. Ты что думаешь? – повисла напряженная тишина.

– Как станут известны точные координаты, сразу сообщишь мне, – строил дальнейший план действий. – Уверен, что на старых базах ее нет?

– Уверен. Он не светит одни и те же точки, каждый раз меняя расположение.

– Есть какая-то закономерность в организации баз? – не зная Плахотина лично и об его теневом бизнесе, никогда не подумаешь, что этот примерный семьянин и начинающий политик – настоящая мразь, торгующая живым товаром и оружием.

– Я не смог просчитать, – тяжело выдохнул Диман в трубку.

– Понял, – снова потер лоб, всматриваясь в лобовое стекло машины. – Тогда до связи, – оборвал звонок, несколько мгновений размышляя над услышанным.

Времени оставалось очень мало. И чтобы притормозить Плаху, у меня был лишь один железный аргумент, благодаря которому он не доведет до конца задуманное. А нам, по сути, нужно лишь выиграть время.

Но прежде всего нужно разобраться с подгнившими корнями. Обрубить нахер плесень, съедающую все дерево.

И, тем не менее, медлить с Плахой нельзя. Стоит ему показать, что так, блядь, бизнес не делается. Окунуть его мордой в свое же дерьмо. Вряд ли после этого он будет петь так же.

Набрал новый номер, услышав лишь один короткий гудок, после которого раздалось:

– Слушаю, – коротко поприветствовал Серый.

– Докладывай.

– Вчера отправил девчонку вместе со всем семейством Соколовых на юг, на открытие нового курорта, – отчитывался Серега, следящий за каждым шагом младшей Плахотиной.

– Ты на месте? – должен был убедиться, что каждый выполняет свою работу на все двести.

– Да, следую за машиной с девчонкой и Соколовским сопляком.

– Они вместе? – внезапно эта мысль меня разозлила.

– Да, он постоянно таскается за ней.

Значит Соколов-младший и есть тот самый, одобренный родителями, жених.

“Что ж, Пуговка. А ты времени зря не теряешь”, – мысленно усмехнулся, ощутив досаду.

Такая наивная, искренняя девчонка, и такой подонок как Соколов-младший – не самая лучшая партия для Плахотиной. Очень быстро рядом с ним в ней погаснет то чистое, что сразило меня за время нашего короткого общения.

– Не теряй из вида. Жду отчет, – стоило скинуть вызов, как тут же на мессенджер посыпались фото.

Вот счастливое семейство в сопровождении матери Пуговки и самой девчонки выходят из аэропорта, заселяются в отель. Вот все собравшиеся в сборе, ужинают в ресторане. Увеличиваю фото и рассматриваю грустные синие глаза, опущенные в тарелку. На всей серии снимков из ресторана девчонка выглядит одинаково несчастно. Похоже, все не так гладко, как она представила мне.

Смотрел на нее и чувствовал, как под ребрами растекается нечто, похожее на жалость. Как ни крути, а малышку жаль. Хорошая девчонка вышла у Плахи, а он собственноручно решил ее сломать и превратить в подобие своей жены, которая всю жизнь закрывает глаза на его бесконечных баб, криминал, так и не отпустивший её супруга, и другие грешки.

Последующие фотографии мало отличаются от предыдущих. Независимо от локации, Соколов-младший везде следует за Пуговкой тенью. И если на его роже камера то и дело выхватывает похотливые взгляды и мерзкую ухмылку, то у девчонки лишь раздражение и... неужели это презрение?

Осознавая, что для Мии общение с женихом настоящая пытка, испытываю невероятное облегчение вместе с чем-то, напоминающим гордость. Все же я не ошибся в ней.

Снова увеличиваю изображение и провожу пальцем по ее лицу, в очередной раз поражаясь, насколько она красива. Эти бездонные глаза на половину лица, круглые щечки, кукольный носик и пухлые губки на фоне фарфоровой кожи и каштановых волос выглядели как нарисованные.

Залип на какое-то время на фотографиях, с маниакальной тщательностью разглядывая малышку, и чувствую, мать ее, эрекцию. Сука! Откинул телефон в сторону, растирая лицо ладонями.

Неправильно. Все это неправильно. У меня не должно быть такой реакции на совсем молоденькую девчонку. Черт, она же ребенок еще совсем. Между нами двенадцать лет разницы, а я все туда же.

Это всего лишь здоровая реакция организма на привлекательную девушку, не более. Осталось только убедить себя в этом окончательно, чтобы не сорвать дело. И то, что она сама льнет ко мне, сыграет с ней злую шутку. Осталось, чтобы Панкратов развязал мне руки, а дальше... Дальше игра пойдет уже по моим правилам. И лучше Пуговке не поддаваться на провокацию. Потому что уже ночью, если мне развяжут руки, мы встретимся с ней снова.

Глава 12

Мия

– Нравится? – наклоняется ко мне и выглядывает через мое окно Соколов, придвигаясь непозволительно близко на сидении.

– Что именно? – отодвигаюсь ближе к дверце, чтобы не соприкоснуться с ним.

– Город? Компания? Отель и программа? – ухмыляется он, закинув руку на спинку сидения позади меня..

– Город – один из любимых. Отель замечательный. А вот программу и компанию я не выбирала, – не собираюсь притворяться, будто всем довольна.

Мне надоела игра в поддавки. Надоело, что не имею права голоса. И если Роману идея пожениться, кажется, нравится, то я не буду с этим мириться и сделаю все, чтобы он сам отказался от меня. Зачем ему ломать жизнь и связываться с кем-то, кто его на дух не переносит, ведь найдется толпа желающих взять его фамилию?

– Да ладно, Мий, – ухмыляется он, поглаживая мое плечо через палантин. – Мы поладим, правда.

– Ты вспомнил мое имя? – удивленно окинула его взглядом, скидывая руку с плеча.

– А ты отрастила коготки? – тихо смеется, возвращая руку обратно. – Мне нравится.

– Не боишься, что воткну эти самые коготки тебе в глотку? – снова убираю его шупальцы со своего плеча.

На несколько мгновений Соколов замолкает и внимательным взглядом осматривает меня. Меня это не волнует и вообще не вызывает совершенно никаких эмоций. Спокойно выдерживаю его взор.

– Ты же понимаешь, что это вызов? – наконец-то изрекает он.

– Что именно? Не дать воткнуть в себя когти или что? – смотрю на него так же внимательно и пытаюсь понять, что находят в нем все эти девушки, готовые выпрыгнуть из трусов, только познакомившись с ним.

– Влюбить тебя, – заявляет он совершенно серьезно, и это вызывает у меня странный звук, похожий на хрюканье.

– Влюбить? – не сдерживаю улыбки, думая, что это шутка.

Соколов слегка ухмыляется в ответ, а я не выдерживаю и смеюсь в голос. Меня веселит его вера в собственную неотразимость. Вот бы мне хоть капельку его самоуверенности, тогда, возможно, жить стало бы немного проще.

– Ты же понимаешь, что этого не произойдет? – выдаю сквозь смех.

– Посмотрим, мышиный хвост, – подмигивает он.

Не успеваю парировать на счет этого прозвища, как машина останавливается, и Роман отодвигается к двери.

– Не вздумай пока выходить, – резво выпрыгивает из салона, а я терпеливо жду, пока он распахнет дверь с моей стороны и подаст руку.

Улыбаясь, вкладываю пальцы в его ладонь и выхожу из машины. На мгновение Соколов замирает, разглядывая меня. А я, несмотря на то, что он мне безразличен как мужчина, смущаюсь. Его реакция на мой внешний вид льстит мне.

– Отпадно выглядишь, – наконец-то отмирает Рома и ведет меня к ресторану.

И, наверное, впервые я готова с ним согласиться. В черном обтягивающем платье-бюстье с вырезом по ноге до колена, с распущенными волосами, уложенными локонами, ощущаю себя не безликой тенью, а вполне симпатичной девушкой.

Надо признать, что мама постаралась на славу, собирая мне гардероб в это путешествие. Будто не для меня старалась, а для себя самой. Еще бы пару недель назад я пришла бы в ужас от такого выбора одежды. Несмотря на то, что всегда восхищалась и мамиными нарядами, и девушками, одевающимися смелее, чем я, строго следовала завету родителей быть скромнее. И самое основное, чего я делать не должна – это подчеркивать мою немаленькую грудь. Если для кого-то четвертый размер груди это мечта, то я грезилась о том, как уменьшить ее. Поскольку при моем росте метр с кепкой такой объем казался карикатурным.

Но после знакомства с моим синеглазым Киром вдруг стали проскакивать мысли, что, выгляди я иначе, смелее, что ли, он бы не воспринял меня как неопытную дурочку и мог проявить интерес...

– Спасибо, – благодарю своего спутника, решившего пригласить меня на свидание. Конечно же, мама не позволила мне отказаться от этой пытки. Взяв Романа под локоть, прохожу в ресторан.

Хостес провела нас к месту, а мне даже неинтересно рассматривать интерьер. Все, о чем я думаю по дороге к столику, это то, что впереди меня ждут несколько часов в компании Романа. Тяжело смириться с отсутствием выбора. И на протяжении последних трех дней, несмотря на желание избавиться от Соколова, рядом с ним я ощущаю больше свободы, чем с собственной матерью, прожужжавшей мне все уши о том, какой Рома хороший, как великолепно мы вместе смотримся и как чудесно, что придумали эту поездку. Любые мои попытки протестовать встречались глухим игнором. И это жутко злило и обижало до слез. Почему самый близкий и родной человек настолько глух к моим желаниям и просьбам?

– О чем думаешь? – вырывает меня из размышлений Роман, сделав заказ.

– О том, что хочу сбежать, – впервые за долгое время говорю напрямую о своих желаниях.

– Даже так? – взлетели вверх темные брови. – Есть пожелания куда? – отпил из бокала виски.

– Даже не знаю... Может, в Мексику... Куда обычно сбегает? – почему-то казалось, что он должен знать об этом. Судя по тому разгульному образу жизни, что вел Роман, то побег должен быть в списке его прегрешений.

– Наверное, все по-разному, – пожал он плечами, замирая на месте, пока перед ним ставят салат.

– Разве тебе никогда не приходилось продумывать план побега?

– Никогда, – помотал он головой, усмехаясь.

– Жаль, – разочарованно уставилась в тарелку.

И снова я ощутила гигантскую пропасть между нами. Залюбленный, избалованный, распущенный мальчик, не знающий разочарований и умеющий извлекать для себя что-то полезное из любой ситуации.

– Так это не шутка? – еще более удивленно смотрел на меня Соколов и, кажется, совсем не ожидал от меня подобных разговоров.

– Неважно, – отмахнулась от парня, ковыряя овощной салат.

– Серьезно, мышь! – пытался привлечь мое внимание, а у меня пропало всякое настроение. – Ты на самом деле планируешь побег? Но тогда только со мной.

– Тебя не приглашали, – проговорила обреченно, понимая, что никуда мне не деться. Я совершенно не знаю мир за стенами родительского автомобиля, не приспособлена жить в обычных условиях.

– А что? Идея огонь! Давай правда свалим от предков вдвоем. Я тоже не против немного встряхнуться.

Не знаю почему, но когда я у него спросила про побег, казалось, будто между нами есть что-то общее. Что Рома так же, как и я, всегда хотел свободы, и ему надоело исполнять желания родителей. А получилось, что только я не могла дышать взаперти, только мне нужна свобода.

Романа вполне устраивает привычный образ жизни. И это осознание окончательно прочертило между нами черту.

– Я на минутку, – поднялась со стула, прихватив клатч.

– Куда ты? – всполошился Роман.

– Припудрить носик, – раздраженно кинула ему.

– Только не сбегай, – крикнул мне вслед Роман.

Глядя в зеркало, думала о том, что неужели так и пройдет моя жизнь? В раздражении, рядом с неприятными для меня людьми? Неужели у меня так и не появится шанс на настоящее счастье?

Казалось, что я настолько глубоко увязла в подчинении, что у меня даже не может быть шанса на подобие нормальной жизни.

Вернуться в отель я не могла. Мама измучает меня своими нравоучениями. Пожалуется отцу, и тогда мне совсем станет худо. Но и с Ромой сидеть и вести светскую беседу нет никаких сил.

Решено. Быстро доем ужин и попрошусь на танцы. Тогда и мама будет спокойна, и Соколова больше не потребует терпеть. Только собралась возвращаться в зал, как услышала на телефоне сигнал входящего сообщения.

Достала смартфон из сумочки и замерла. Пульс разогнался до сверхскорости, когда я прочитала всего три слова, пришедшие с незнакомого номера:

Пуговка, выходи на парковку.

Глава 13

Мия

Несколько мгновений смотрю немигающим взглядом на сообщение, пытаюсь понять, галлюцинация это или нет. А может, чья-то злая шутка?

Но никто не называл меня Пуговкой, кроме него. И никто не знает о Кире. Я не рассказывала о нём ни одной живой душе.

Тогда что это? Откуда у него мой номер телефона? И как он узнал, где я нахожусь.

Дрожащими руками набрала сообщение:

Где находится эта парковка?

Успела отправить сообщение, прежде чем подумала, что должна была уточнить, кто это. *Парковка ресторана “La Grande”.*

У меня в груди готовится к взлету ракета. Турбины запущены и экипаж собирается взлететь. Сердце замирает, и стоит кому-то дать отмашку “поехали”, как корабль взмывает в небо, пронзая облака. Еще чуть-чуть, и он выйдет в стратосферу. Механизм запущен и его уже не остановить. Я готова лететь на зов той вселенной, что спрятана в суровом и в то же время заботливом мужчине.

Как он здесь оказался? Откуда узнал, где я? Где взял мой номер?

Все эти вопросы отошли на задний план, когда единственная мысль в моей голове осталась: “Он не забыл обо мне!”

Я помню наш последний разговор, все жестокие слова, произнесенные его губами в ту злосчастную ночь у клуба, помню и папино предупреждение насчет того, что от него стоит держаться подальше.

Но стоит лишь воскресить это в памяти, как слабела рядом с ним, подчиняясь мужской энергетике. Его выразительное лицо, пронизательный взгляд и запах. Боже! Только мысли о нем пробуждают во мне какой-то дикий гормональный всплеск. Внутри меня буквально вспыхивают огни, один за другим, и тут же гаснут. Мои терзания не дают им всколыхнуться в полную силу. И узел в животе, удерживающий на месте и не дающий принять поспешное решение, сердце, пробивающее толчками решетку ребер, вступают в конфликт.

Все решает тошнотворная реальность, где я буквально несколько минут назад размышляла над побегом. Так могут ли эти сообщения быть знаком свыше, подталкивающим в нужную сторону?

Не успеваю подумать об этом, как уже вылетаю из дамской комнаты. Осторожно выглянув в зал, отмечаю залипнувшего в смартфоне Романа и скучающих в конце зала охранников наследного принца дома Соколовых.

Проскальзываю к служебным помещениям, наткнувшись на официанта, выходящего из кухни.

– Где у вас черный вход? – спрашиваю растерянного парня.

– Через кухню, – хмурится он. – Туда гостям запрещено ходить! – кричит мне вдогонку, когда я врываюсь в кухню.

– Где выход? – спрашиваю у повара, стоящего на раздаче.

– Гостям через зал, – упирается взглядом мне в грудь, даже не удосуживаясь поднять глаза вверх и посмотреть в лицо.

– Нужно успеть сбежать от парня-тирана! – говорю сбивчиво. – Прошу, помоги, – выпячиваю грудь еще больше, краснея и сгорая со стыда от собственной выходки.

Стараюсь загнать в дальний чулан подсознания осуждающий мамин голос, твердящий о моей глупости и вульгарности. Анализировать свои поступки я буду позже. А пока...

– Налево до конца и через раздевалку, – тяжело выдохнул повар, наконец-то посмотрев мне в лицо.

– Спасибо! – просияла и быстрым шагом, переходящим на бег, направилась в указанном направлении.

– Девушка! Гостям сюда нельзя! – слышала чьи-то крики.

– Мне очень надо! – оправдывалась на ходу, краснея от собственного хамства.

Добежав до раздевалки, стараясь не смотреть по сторонам, увидела две двери, ведущие в мужскую и женскую комнаты, и между ними находился выход на улицу. Радуюсь как ребенок каждой из своих побед, выскочила на улицу в одном платье прямо на холодный по южным меркам декабрьский воздух.

Разгоряченная побегом и согреваемая обжигающей вены кровью, выбежала на парковку, осматриваясь по сторонам. Машины гостей были припаркованы с другой стороны здания парковщиком.

Черный седан с тонированными стеклами поморгал фарами и подъехал ко мне. Пассажирская дверь распахнулась, и я услышала низкий бархатистый голос, при звуках которого сбилось дыхание.

– Садись, Пуговка, я тебя похищаю.

– Увезешь меня отсюда? – заглянула в салон автомобиля, встретившись с синими пронзительными глазами, чувствуя, как слабею в коленях.

– Ты хочешь этого? – смотрел прямо в глаза, чуть пригнувшись, так, чтобы видеть мое лицо, и запуская мой бедный моторчик на максимальную скорость.

– Хочу, – мысленно молю его не бросать меня здесь снова на растерзание Роману и нашим родителям.

– Учти, как только ты сядешь в машину, то выйти не сможешь. Назад дороги не будет, – вижу, как напряжена линия его челюсти, и понимаю, для него это тоже непростое решение.

– Мой выбор уехать с тобой! – не знаю, кому именно адресована эта фраза, наверное, самой себе.

Сделать то, что хочется самой. Принять самостоятельное решение и не оглядываться на всех тех лицемеров, что выстроили свои жизни по какому-то сценарию и упорно стараются убедить себя и весь мир в том, что счастливы и успешны. По факту же лишь занимаясь пусканием пыли в глаза и самообманом.

С меня хватит! Я не хочу принимать в этом участия.

Ныряю на пассажирское сидение, захлопывая дверь. Слышу, как в ту же секунду блокируются замки и машина трогается с места, чрезвычайно быстро оставляя позади ресторан.

Оглядываюсь назад с бьющимся в груди птицей сердцем, надеясь, что мы успеем отъехать как можно дальше, прежде чем заметят мое исчезновение.

Тяжело дыша, цепляюсь пальцами за кожаное сидение и слушаю рев мотора, уносящего меня прочь от навязанного для меня будущего. И только когда автомобиль вырывается за город, облегченно вздыхаю.

– Пожалеешь ведь, – наконец нарушает тишину Кир.

Немного расслабившись, поворачиваюсь к нему, ощущая, как из самого центра груди по телу растекается тепло. Смотрю на мужественный профиль и понимаю, что тону, потому что он идеален. Прямой нос, даже отросшая борода теперь выглядит чуть менее опрятной, чем в наши предыдущие встречи, но оттого придает ему еще больше брутальности. На непослушную русую прядь, спадающую на высокий нахмуренный лоб, плотно сжатые губы и острый взгляд, брошенный на меня мельком и снова вернувшийся к ночной трассе. Разве может какой-то там Соколов сравниться с эталоном мужественности и мужской харизмы, сидящим рядом со мной?

- Выдыхай, Пуговка, – слегка усмехается. – Все, назад не верну.
- Не возвращай, пожалуйста, – с ужасом представляю, что снова придется притворяться, слушаться, выполнять все, что хотят другие, но не я.
- Неужели все так плохо?
- Ты даже не представляешь. Я для них лишь кукла, марионетка, выгодное вложение, которое надеются окупить, – перевела взгляд на дорогу.
- Это ты про жениха своего? – спрашивает Кирилл. Он же Кирилл, верно?
- И про него в том числе... – снова смотрю на него и краснею, как только наши взгляды встречаются.
- Мне жаль, – снова хмурится мужчина, почесав щеку.
- А мне нет. Потому что ты только что спас меня! – осознаю это и захлебываюсь охватившей меня радостью.
- Нет, Мия. Я тебя украл, – с какой-то грустью проговорил он.
- И тем самым спас! – улыбаюсь, не веря тому, что могу вдыхать его запах, смотреть на него и слушать этот глубокий бархатный баритон.
- Тогда нужно это отметить, – улыбается Кир. – Сзади в холодильнике есть бутылка шампанского.
- Поняла, – лезу между нашими сидениями, задевая бедром его плечо и смущаясь этому, и назад, заваливаясь на заднее сидение.
- Добравшись до холодильника, достаю бутылку, игнорируя бокалы, и вместе со своей добычей лезу обратно.
- Осторожно, – слегка сбавляет скорость Кир, когда я заваливаюсь в сторону.
- Все в порядке, – пролезаю, выставя попу прямо ему в лицо и облегченно выдыхая, падаю на сидишку.
- Доставай пробку, – командует Кир.
- Но его команды меня будоражат.
- Я не умею, – растерянню смотрю на бутылку.
- Она открыта, тебе нужно просто достать.
- Продумал все? Подготовился? – улыбаюсь, чувствуя наконец-то легкость и радость.
- Достаю пробку и салютую бутылкой Киру.
- За мой побег! – говорю громко и припадаю губами к горлышку.
- За похищение, – слишком серьезно добавляет мужчина.
- А я пью глоток за глотком, отрываясь от горлышка и смотря на Кира.

- Я ведь влюбилась в тебя, – язык как-то плохо ворочается, мысли путаются.
- Зря, Пуговка, – слышу его голос.
- Ты самый лучший, – говорю невнятно.
- Лучше бы ты осталась в ресторане, – совсем тихо добавляет он перед тем, как веки перестают меня слушаться.

Глава 14

Мия

Настоящее время

Бойтесь своих желаний!

Это обо мне... Обо всем, что произошло со мной за последний месяц.

Хотела попробовать другой жизни... Влюбилась. Даже не так... Выдумала себе образ и с радостью в него погрузилась.

Сколько бы я отдала, если тогда, в ту ночь в клубе, тот синеглазый незнакомец с обворожительной улыбкой и теплотой во взгляде притянул меня к себе вот так, как сейчас. Как бы я хотела ощутить на себе его широкие горячие ладони, чувствовать, как под широкой грудью ритмично бьется сердце.

А что в итоге? Стоило получить желаемое, как я не только не могу насладиться происходящим, но и впадаю в настоящий липкий ужас и медленно скатываюсь в панику.

– Нет, – говорю еле слышно, сама до конца не понимаю, что именно вкладываю в это короткое слово.

Возможно, это "нет" моим глупым мечтам, "нет" пугающей реальности, "нет" тому, что он не может просто оказаться мерзавцем, или "нет" его действиям. Что это, черт возьми?

Кир впечатывает меня в свое большое тело, и я чувствую его рельеф так четко, что меня сковывает не просто страхом, а я погружаюсь в настоящий кошмар. От той опасной близости, в которой мы оказались, мне сложно дышать и тело сковывает.

Разве не этого я хотела?

Но, вглядываясь в холодные синие глаза, я не нахожу там и следа того мужчины, что вернул мне пуговку, вывел из темного царства порока. Мужчины, старающегося оградить от себя...

– Да, Мия, – хрипло говорит он. – Ты отчаянно хотела этого с ночи в клубе. Ты жаждала этого и активно предлагала. Как я могу отказаться от такого настойчивого предложения? – его рука, прижимающая меня к себе за спину, двинулась вниз, к пояснице.

Кровь хлынула к лицу, а внутри меня забилась тревога.

– Нет, нет, нет! – сдавленно выдыхала звуки, больше напоминающие мычание, чем слова.

Тело так и осталось онемевшим. В голове горела красная лампочка опасности, требующая оттолкнуть, сопротивляться, предпринять хоть что-то, но не отдаваться ему в руки.

– Поздно, – наклоняется ко мне, обдавая мятным дыханием.

Непроизвольно прикрываю веки, трепеща от его близости или же от страха, сама не могу разобраться, но одно знаю точно. Что вот так я не хочу. Мне этого не нужно.

Трется щекой о мой висок, царапая бородой, а у меня сердце замирает, когда нутро иступленно кричит прекратить, сделать хоть что-то, пока все не зашло слишком далеко.

Кир обхватывает губами мочку моего уха и проводит по ней языком. Тело пронзает током от места соприкосновения его губ с моей плотью.

Напряжение достигает своего пика. Дрожь, зародившаяся внутри, вырывается наружу, и вот меня уже колотит так, что стоит заговорить, и застучат зубы. Но я по-прежнему не могу выдавить из себя ни звука. Язык словно стал каким-то тяжелым и неповоротливым, а на шею накнули невидимую удавку, сжимающую горло.

Картинка перед глазами помутнела, и я почувствовала, как по щекам заструились слезы.

– Что трясешься как заяц? М-м-м, Пуговка, – раздается в ухо обжигающий шепот, а затем он прикусывает ухо и слегка тянет, лаская языком.

У меня от этого в животе пропасть разверзается. Чувствую, как его руки скользят по моей спине, опускаются ниже, накрывая ягодицы, и вдавливают в мужское тело. Эрекция Кира даже сквозь брюки упирается мне в живот, и я чувствую ее настолько пугающе-отчетливо, что задыхаюсь, не в силах даже сделать вдох. Он целует мою шею, в то время как пальцы жадно вонзаются в мою плоть.

– Красивое платье, – шипит он, целуя плечи влажно, языком вылизывая ямку ключиц. – Идеальный выбор для потери девственности, – снова окунает меня в отрезвляющую реальность.

– Нет, – шевелю губами, но от меня не исходит и звука, словно я нахожусь в чертовом сне, где кричу о помощи, но никто меня не слышит. Вот и сейчас будто запечатана внутри самой себя, как в тюрьме, и не вырваться на волю.

Мужские ладони скользят ниже, поддевая подол платья и потянув его вверх, накрывая мои бедра.

– Как ты хочешь, чтобы это случилось? – шепчет с жаром, покрывая поцелуями мое лицо, шею и плечи, но не спускаясь ниже. – Скажи, или я сделаю выбор за тебя, Пуговка.

Шершавые пальцы скользят выше, добираясь до резинки чулок. Слышу, как шумно он втягивает воздух, и сбивается его сердечный ритм.

– С-с-сука, – выдыхает с шумом. – Для жениха нарядилась?

Краем сознания улавливаю злость в его голосе, но не в силах зацепиться за нее, настолько силен мой страх. Когда его рука скользит вверх, дотрагиваясь до обнаженной ягодицы, я будто получаю электрический разряд и упираюсь ладонями в мощную грудь.

– Нет... – сначала звучу тихо, несмело. – Нет! Нет! – перехожу на крик и толкаю его в грудь. – Не хочу! Не надо!

Стараюсь оттолкнуть его от себя, но он слишком большой и сильный. Он чертова гора, а его руки путы, что я не способна с себя скинуть.

– Оставь меня, подонок! – прорывается голос вместе с рыданиями и криком. – Оставь!

Мечусь в его руках до тех пор, пока наконец-то не ощущаю, что становится свободнее дышать. И уже тогда в полную силу предаюсь истерике.

– Как ты мог! Как мог! – опускаюсь на пол, не в силах вынести тех эмоций, что обрушились на меня.

– Так лучше, – прорывается его голос сквозь мои завывания. – Никому нельзя доверять, Мия. Никому, – а затем слышу удаляющиеся шаги и звук захлопывающейся двери и поворачивающегося ключа.

Глава 15

Мия

После истерики на меня накатывает опустошение. Просто смотрю в одну точку, сидя на ковре. На душе раздрай, воспаленные глаза горят от пролитых слез, засохших на щеках и висках солеными дорожками. Кажется, будто из меня вынули душу и оставили одну оболочку. Не хочется ни кричать, ни плакать, не хочется совершенно ничего. Как и не ощущаю иных эмоций, кроме звенящей пустоты.

Наверное, стоит искать какой-то выход из положения, кричать и звать на помощь. Но у меня совершенно нет на все это сил. Я будто закрылась внутри себя и, найдя там покой, не собираюсь высовывать нос наружу.

Так бы, наверное, и сидела, если бы замок не заскрежетал снова. Стоит мне услышать этот звук, как напрягаюсь всем телом. Но дверь распахивается, и я шумно втягиваю воздух, встретившись взглядом с Кириллом. Он держит в руках поднос с едой. Пробегает по мне взором, а затем отводит глаза в сторону. Проходит в комнату, поставив поднос с едой на столик.

Затаив дыхание, наблюдаю за ним, пытаюсь отгадать, что у него на уме. Но на кажущемся идеальном лице ни одной эмоции. Непроницаемая маска хладнокровия, не позволяющая заглянуть в голову мужчине.

Не сказав ни слова и даже больше не удостоив и взглядом, он снова оставляет меня одну, закрыв дверь на замок.

Под ребрами неприятно кольнуло. Что это? Разочарование?

Наверное, я ожидала от него каких-то слов, объяснений, возможно, даже извинений. Ведь то, как он повел себя со мной, совершенно не сочетается с образом того парня из филармонии. Да, даже когда он грубил мне и отталкивал от себя, я не воспринимала его как мерзавца или зло во плоти.

Но то, что он воспользовался моим доверием, моей растерянностью, глупостью и влюбленностью...

– А-а-а! – выкрикиваю в пустоту, наконец-то ощутив, как грудную клетку прорезает боль.

Все мое нутро будто отходит от первоначального шока и погружается в нестерпимую, невыносимую муку. Первым накрывает осознание того, что я чудом избежала насилия. Не оттолкну я его, и мужчина бы довел дело до конца. Кровь отливает от лица и на мгновение сердце ухает куда-то в пропасть, а в следующее мгновение бешено стучит в груди.

Боже! Одна мысль об этом сводит меня с ума, а что бы со мной случилось, если ему удалось задуманное?

Вскакиваю на ноги и начинаю измерять шагами просторную комнату, теребя пальцы и заламывая их. Хожу из угла в угол, не замечая обстановки, игнорируя запах свежеприготовленной пищи и думая лишь о своем несчастном сердце, истекающим горячими слезами.

И лишь когда выбиваюсь из сил, падаю в то самое кресло, где какое-то время назад сидел мужчина моей мечты, осознаю, что я взаперти. Он не просто почти не воспользовался мной, но и увез в неизвестном направлении. Ужас случившегося наконец-то накрывает меня с головой.

Да, я была готова сбежать от родителей и их контроля. Сбежать с чутким и внимательным мужчиной, которого выбрала сама! А теперь... Что со мной будет дальше? Что он там говорил про моего отца и расплату?

Представила на мгновение, в каком ужасе пребывают мои родители, обнаружив мою пропажу, и меня затопило чувством вины.

– Дура! – бормочу себе под нос. – Какая же ты дура, Мия! – падаю лицом в ладони, снова тихо всхлипывая.

Мир окончательно перевернулся с ног на голову. Больше не существует лишь черного и белого. Границы размылись, сливаясь в грязную серую массу, где невозможно определить, кто друг, кто враг, кто прав, кто виноват и как поступать правильно.

Что ж. Выбор сделан. Решение принято. Придется мириться с последствиями своей глупости. А пока нужно взять себя в руки и понять, что именно задумал Кир. Исходя из его планов, думать, как именно действовать дальше.

Приняв ситуацию, ощутила, как тяжкое бремя вины за случившееся начало меня отпускать. Только теперь я начала приходить в себя, осматриваясь по сторонам, отмечая детали комнаты.

По центру помещения располагается просторный диван, напротив которого висит большая плазма. Чуть в стороне от телевизора, ближе к занавешенному коричневыми порттьерами окну, стоит кресло с журнальным столиком со стеклянной столешницей. Справа от дивана находится приоткрытая дверь, видимо, в ванную, а чуть левее входной двери шкаф со стеклянными матовыми дверями. Дизайн в спокойных кофейно-бежевых цветах, и только ковер с крупным белым ворсом выбивается из общей цветовой гаммы, привлекая внимание.

Надо же, ковер...

Почему-то только сейчас зацепилась за него взглядом, рассматривая то, насколько он чистый и пушистый. Казалось, что его положили на пол прямо перед моим появлением в этой комнате. Присмотревшись к деталям, показалось, будто и ремонт в целом сделан совсем недавно. И, скорее всего, до меня здесь еще никто не жил.

От этой мысли по позвоночнику пробежал холодок.

Это что же, он готовился к моему появлению тут?

Во рту пересохло и спазмом сжало горло.

Перевожу взгляд на поднос, где в тарелке меня дожидалось картофельное пюре с отбивной, овощной салат и чашка чая.

Поморщившись отодвигаю поднос подальше. Кто знает, что он туда мне подсыпал. С него станется усыпить меня вновь, закончить начатое, а потом отправить папе доказательства моего позора.

Подошла к окну, отодвигая порттьеру, и осторожно отпрянула назад, когда в глаза ударил свет фар. Слегка раздвинула шторы снова, всматриваясь в узкую щель. С высоты второго этажа падал хороший обзор на двор, куда через большие металлические ворота въехал большой черный внедорожник. Лаяли собаки. К машине подошел мужчина в камуфляжной куртке и накинутым на голову капюшоном. Я не могу разглядеть, был это Кир или же он находился в машине. Мужчина в капюшоне как-то резко повернул голову к дому, и я тут же дергаюсь в сторону от окна, боясь быть увиденной. Подбегаю к дивану и зачем-то хватаю с полочки под плазмой пульт, включая какой-то канал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.